189

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ.

ЧИТАНО

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

31 мая 1872 г.

Я. Гротомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лин. № 12.)

1872.

A VII.
13.

KNJIŽNICA MATICE HRVATSKE
U SLOBODNOJ DRŽAVI HRVATSKOJ
Broj 489

DK 133
.G76

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ.

читано

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

31 мая 1872 г.

Я. Гротомъ.

P.V.
Rec.
1/10/81
C.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1872.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мая 1872 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ.

«Доберъ владатель нѣсть удоволенъ, дабы обдержалъ владательство въ древнемъ его бытію». (Крижаничъ, Русское государство въ полов. XVII в., ч. I, стр. IV).

«Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ моглъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явшемся весь міръ удивился». (Слова и рѣчи Ѳеофана, ч. II, стр. 128).

Важныя минуты переживаетъ нынѣ русскій народъ: воскрешая славнѣйшую эпоху его прошлаго, онѣ снова сближаютъ Россію съ величайшимъ дѣятелемъ ея исторіи, настойчиво напоминаютъ его великія, далеко не вполнѣ еще достигнутыя просвѣтительныя цѣли. Восьмидесятимилліонное населеніе исполинской державы празднуетъ достопамятный день, когда въ русской землѣ впервые явилась та могучая духовная сила, которая должна была оставить неизгладимые слѣды въ судьбахъ цѣлой Европы. И не одна Россія, весь славянскій міръ въ эти минуты съ гордостью именуетъ Петра *своимъ*. Къ общему земскому торжеству присоединяется и Академія Наукъ, не потому только, что Петръ — ея творецъ, что мысль его до сихъ поръ отражается въ каждомъ біеніи ея жизни, но потому преимущественно, что онъ былъ неутомимымъ поборникомъ высшихъ интересовъ человѣчества, что онъ положилъ начало просвѣщенію своей могущественной націи и ввелъ ее въ кругъ дѣятельныхъ членовъ образованнаго міра. Вся жизнь его была трудъ, забота, непрерывная борьба, но борьба, почти всегда оканчивавшаяся побѣдой: борьба на жизнь и смерть съ собствен-

947.05
P478zG

871618

ною семьей, — съ сестрою, съ супругой, съ сыномъ; кровавая борьба съ врагами внутренними и внѣшними; наконецъ, упорная борьба съ невѣжествомъ, предразсудками, суевѣріемъ, борьба подъ знаменемъ идеи и истины. Вотъ самая почетная и самая плодотворная борьба, какую пришлось вести Петру; плоды образованія были существеннѣйшимъ результатомъ всѣхъ подвиговъ Великаго, и этой-то вѣчно-памятной заслугѣ его будетъ предпочтительно посвящено мое чтеніе.

Просвѣтительныя начала проводились Петромъ разнообразно: они являлись въ личности его и примѣрѣ, въ его законахъ и учрежденіяхъ, наконецъ въ мѣрахъ, непосредственно направленныхъ къ распространенію образованія путемъ училищъ и литературы. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ сторонъ дѣятельности Петра невозможно будетъ обойти и самаго животрепещущаго вопроса, такъ часто занимающаго потомство, вопроса о правильности и значеніи его образа дѣйствій.

Остановимся прежде всего на личности Петра, взглянемъ на собственное его образованіе, на подготовку, съ какою онъ приступилъ къ великому дѣлу, и на послѣдующіе его духовные успѣхи. Хотя о воспитаніи его въ дѣтствѣ сохранилось мало извѣстій, мы однакожъ знаемъ довольно, чтобы судить о ходѣ и характерѣ развитія Петра. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ носитъ печать нравственнаго величія и геніальной своеобразности. Въ военныхъ играхъ съ своими сверстниками, какіе бывали и при прежнихъ царевичахъ, онъ не хочетъ пользоваться преимуществами своего положенія: онъ ставитъ себя на одну линію съ товарищами, несетъ съ ними равную службу, начинаетъ съ нижнихъ ея степеней, участвуетъ вмѣстѣ со всѣми въ черной работѣ и для повышенія подчиняется требованію дѣйствительной заслуги; посреди забавъ онъ уже служитъ дѣлу и идеѣ; привыкаетъ къ труду и лишеніямъ, къ правильному пониманію обязанностей и отношеній, безъ всякаго лицепріятія. Въ ребенкѣ Петрѣ мы уже видимъ будущаго карателя всякой неправды. Постепенно, съ каждымъ годомъ, онъ расширяетъ кругъ своихъ военныхъ потѣхъ и болѣе и болѣе раз-

виваетъ ихъ значеніе, уже являясь единственнымъ и безпримѣрнымъ между всѣми современниками, которые еще не могутъ вполнѣ понять глубокаго смысла его поступковъ. Книжное ученіе Петра началось, вѣроятно, въ исходѣ трехлѣтняго возраста его[1] въ благодатной тишинѣ уединенія. Есть извѣстіе, что учитель его Зотовъ очень рано успѣлъ заинтересовать его историческими разсказами съ помощію картинъ (кунштовъ), не только находившихся въ книгахъ, но и развѣшенныхъ по стѣнамъ[2], въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, такъ какъ подобные «фряжскіе и нѣмецкіе потѣшные листы» уже и прежде водились въ царскихъ палатахъ. Такимъ способомъ любознательность даровитаго ребенка была въ высшей степени возбуждена, и мы можемъ допустить предположеніе, что Петръ перечиталъ, если не все, то многое изъ того что хранилось въ царской библіотекѣ[3]. Между учебными пособіями его былъ голландскій всемірный атласъ. Есть свѣдѣніе, что молодой царевичъ, подобно Ивану Грозному, зналъ наизусть все евангеліе и апостолъ[4]. Это показаніе о Петрѣ Великомъ подкрѣпляется тѣмъ, что онъ впослѣдствіи въ письмахъ своихъ любилъ приводить тексты изъ священнаго писанія. Мы имѣемъ сверхъ того свидѣтельство Лейбница[5], основанное на личныхъ его сношеніяхъ съ Петромъ, что Преобразователь Россіи зналъ священное писаніе въ совершенствѣ и былъ очень свѣдущъ въ церковныхъ дѣлахъ*). Изъ переписки Петра съ его приближенными видно также, что онъ зналъ греческую и римскую миѳологію. Еще до перваго заграничнаго своего путешествія онъ былъ въ нѣкоторой степени знакомъ съ языками нѣмецкимъ и голландскимъ.

---

[1] См. примѣчанія и ссылки въ концѣ статьи.

*) Близкій къ Петру Ѳеофанъ Прокоповичъ также свидѣтельствуетъ, что въ разговорахъ богословскихъ онъ не только не стыдился, какъ часто бываетъ, и другихъ слушать и самъ не молчать, но съ охотою принималъ въ нихъ участіе, и многихъ въ сомнѣніяхъ совѣсти наставлялъ, отвращалъ отъ суевѣрія, приводилъ къ познанію истины, и это дѣлалъ онъ не только съ знатными, но и съ простыми и бѣдными, особенно же, когда случалось, съ раскольниками. И на это было у него готовое какъ бы всеоружіе — изученные изъ священнаго писанія догматы, особенно посланія Павла, которыя онъ твердо хранилъ въ памяти (*Слова и рѣчи*, ч. II, стр. 160. 161).

Всѣмъ извѣстно, какъ онъ, хотя и поздно, при помощи Тиммермана и другихъ, пріобрѣлъ свѣдѣнія въ математикѣ. Такимъ образомъ Петръ, не смотря на свое плохое воспитаніе, обладалъ уже въ началѣ своего царственнаго поприща порядочнымъ запасомъ познаній; но понятно, что онъ, при своей ненасытной любознательности, самъ чувствовалъ ихъ скудость и впослѣдствіи часто жаловался на недостаточность своего школьнаго образованія. Такъ однажды, войдя въ учебную комнату своихъ дочерей и заставъ ихъ за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: «О, еслибы я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!»[6] Легко представить себѣ, какъ быстро, при этомъ сознаніи и геніальныхъ способностяхъ, должны были расти свѣдѣнія Петра, особенно во время его путешествій, практическимъ путемъ, посредствомъ внимательнаго осмотра всего замѣчательнаго, безпрестанныхъ распросовъ и бесѣдъ съ учеными, съ художниками и техниками. Уже въ Кенигсбергѣ онъ изучилъ въ теоріи и на практикѣ артиллерію и сдѣлался, по словамъ своего учителя, «благоискуснымъ огнестрѣльнымъ мастеромъ и художникомъ»[7]. Его пребываніе въ Голландіи, Англіи и Франціи было постоянною школою, въ которой державный ученикъ изумилъ весь міръ прилежаніемъ и успѣхами; позднѣе, во время шведской войны, при его свиданіи съ польскимъ королемъ въ Биржахъ, присутствовавшіе замѣтили, что Петръ очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи и усердно занимается этими предметами[8]. Важнымъ событіемъ въ его умственной жизни было сближеніе съ геніальнымъ ученымъ и писателемъ Лейбницемъ, который, съ самаго вступленія Петра на престолъ, зорко слѣдилъ за его преобразованіями, а впослѣдствіи старался быть ему полезнымъ своими идеями въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Послѣ бесѣдъ съ Петромъ Лейбницъ былъ пораженъ всею его личностью, былъ, по собственному выраженію въ письмѣ къ одному пріятелю, удивленъ не только гуманностью такого могущественнаго государя, но и обширными его свѣдѣніями и быстрымъ соображеніемъ[9].

Характеристику Петра въ этомъ отношеніи дополняетъ важ-

ный для насъ отзывъ Ѳеофана. Похваливъ изумительную память, остроуміе, находчивость Государя, знаменитый ораторъ говоритъ: Ему академіями были города и страны, республики и монархіи и домы царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ: учителями его были, хотя и сами про то не вѣдали, и къ нему приходившіе послы и гости, и его угощавшіе государи и правители. Гдѣ бы ему ни случилось быть, съ кѣмъ бы ни побесѣдовать, онъ только о томъ и заботился, чтобъ это соприсутствіе не осталось напраснымъ, чтобъ ему не уйти и не разойтись безъ какой-нибудь пользы, безъ какого-нибудь поученія. Сверхъ того много пособило ему и то, что выучившись нѣкоторымъ европейскимъ языкамъ, онъ часто занимался чтеніемъ историческихъ и назидательныхъ книгъ; отъ этихъ-то ученій происходило, что разговоры его о всякомъ дѣлѣ были содержательны, хотя и не многорѣчивы, и о чемъ ни велась бесѣда, отъ него слышались разсужденія тонкія и доводы сильные, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказы, притчи, подобія, къ наслажденію и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ[10].

Вообще думаютъ, что Петръ, уважая науку, мало сочувствовалъ искусству или, по крайней мѣрѣ, изящному въ искусствѣ, и предпочиталъ ему фарсъ и каррикатуру. Правда, что онъ нерѣдо искалъ развлеченія въ смѣшномъ и уродливомъ; въ музыкѣ на него болѣе дѣйствовало поразительное, соотвѣтствовавшее его привычкамъ и любимымъ занятіямъ, нежели утонченно-прекрасное; но въ живописи эстетическое чувство его достигло замѣчательнаго развитія, какъ показываютъ многія картины и статуи, которыя онъ выбиралъ за границею для вывоза въ Россію[11]. Онъ понималъ цѣну и значеніе искусства, стараясь водворить его въ отечествѣ наравнѣ съ наукою. Характеристиченъ анекдотъ Нартова, что однажды, когда пріѣхали въ Петербургъ плясуны и акробаты, то Петръ замѣтилъ полицеймейстеру Девьеру: «Здѣсь надобны художники, а не фигляры; Петербургъ — не Парижъ... Пришельцамъ-шатунамъ сорить деньги грѣхъ». Мы узнаемъ тутъ и мнѣніе Петра о столицѣ Франціи. Въ другой разъ онъ, по разсказу того же Нартова, выразился о Парижѣ еще рѣзче.

При отъѣздѣ оттуда, пожалѣвъ, что долженъ покинуть мѣсто, гдѣ цвѣтутъ науки и искусства, онъ прибавилъ: «Жалѣю, что этотъ городъ рано или поздно отъ роскоши и необузданности претерпитъ великій вредъ, а отъ смрада вымретъ»[12].

Не по одному уваженію своему къ наукѣ и къ искусству Петръ являлся истинно-просвѣщеннымъ человѣкомъ. При глубокомъ благочестіи, которое заставляло его приписывать всякій успѣхъ Богу и считать атеистовъ безумцами[13], при строгомъ охраненіи православія, онъ однакожъ былъ далекъ отъ узкой религіозной нетерпимости. Въ чужихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ онъ готовъ былъ признать всякую хорошую сторону; въ Лондонѣ, въ Данцигѣ, даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ охотно посѣщалъ протестантское богослуженіе и цѣнилъ пользу хорошей проповѣди. Здѣсь нельзя не вспомнить сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него въ Амстердамѣ зрѣлищемъ церквей разныхъ исповѣданій, которыхъ послѣдователи мирно сходились на поприщѣ гражданской и промышленной дѣятельности[14]. Онъ далъ себѣ слово завести то же самое въ Россіи, и поданный имъ примѣръ надолго установилъ руководящее начало русскаго правительства. Большое уваженіе оказывалъ Петръ памяти германскаго реформатора, внушавшаго ему особенное сочувствіе своимъ энергическимъ характеромъ и образомъ дѣйствій. На одномъ изъ памятныхъ листковъ, которые Петръ всегда носилъ съ собою и въ дорогѣ и дома, отмѣчены его рукою годы рожденія и смерти Лютера[15]. Терпимость Петра къ другимъ исповѣданіямъ выказалась всего ярче въ знаменитомъ указѣ 1702 года, о вызовѣ иностранцевъ, гдѣ находятся слѣдующія незабвенныя слова: «.... Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей. Итакъ мы крѣпко того станемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ богослуженіи обезпокоенъ не былъ, но при ономъ содержанъ и противу всякаго помѣшательства защищенъ былъ»[16].

Къ сожалѣнію, принципъ свободы совѣсти не могъ быть распространенъ въ равной степени на разногласія въ лонѣ господствующей церкви. Долго Петръ относился снисходительно къ раскольникамъ, говоря: «Если они честные, работящіе люди, то пусть вѣруютъ во что хотятъ: если ихъ нельзя обратить разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни странѣ прибыли отъ того не будетъ»[17]. Но съ другой стороны нельзя было допускать усиленія раскола, а между тѣмъ послѣдователи его оказывались злѣйшими врагами преобразованія, проповѣдывали появленіе въ царѣ антихриста, толпами удалялись въ лѣса и пустыни, уклонялись отъ службы и труда. Мѣры, принятыя противъ ихъ размноженія, мало по малу повели къ преслѣдованіямъ, пыткамъ и казнямъ. Случилось именно то, чего Петръ сначала хотѣлъ избѣжать.

Это противорѣчіе приводитъ насъ къ другой сторонѣ личности Петра, къ той сторонѣ, которая въ глазахъ многихъ не разъ уже заслоняла всѣ достоинства его и заставляла видѣть въ немъ необузданнаго тирана. Чтобы разъяснить это недоразумѣніе, мы должны припомнить, что при рожденіи Петра въ русскомъ обществѣ существовало двоякое настроеніе. Малая часть его была затронута начавшимся уже прежде поворотомъ къ европейскому быту; большинство же коснѣло въ стародавнемъ застоѣ: «благочестивая старина боялась западной новизны»[18]. Петръ, сдѣлавшись вождемъ меньшинства, не могъ не сохранять на себѣ отпечатка почти общей грубости нравовъ. Все, что онъ вынесъ изъ общенія съ иноземцами, не могло изгладить въ немъ вліянія домашнихъ примѣровъ; да притомъ и въ общемъ духѣ времени, въ нравахъ западной Европы оставались еще многія черты суровости. Такъ произошло въ Петрѣ то тѣсное сочетаніе несовмѣстныхъ повидимому, но явныхъ и поразительныхъ противорѣчій, которое дало поводъ проницательной нѣмецкой принцессѣ, послѣ первой съ нимъ встрѣчи, сказать мѣткое слово, что это очень добрый, но вмѣстѣ и очень злой государь (c'est un prince

à la fois très bon et très méchant)[19]. Такъ объясняется въ немъ соединеніе безпощадной строгости съ сердечною мягкостью и даже нѣжностью. Такъ онъ, будучи въ Голландіи, въ одномъ анатомическомъ кабинетѣ съ умиленіемъ цѣлуетъ улыбающееся лицо мертваго ребенка, а въ другомъ заставляетъ своихъ сопутниковъ зубами рвать мускулы человѣческаго трупа, чтобы пріучить русскихъ къ поучительнымъ наблюденіямъ[20]. Такъ онъ жалѣетъ о птичкѣ, задыхающейся подъ стеклянным колпакомъ[21] — и собственными руками отрубаетъ головы мятежнымъ стрѣльцамъ.

Горячимъ защитникомъ Петра противъ упрековъ въ жестокосердіи является, въ исходѣ прошлаго столѣтія, извѣстный историкъ князь Щербатовъ[22]. Онъ припоминаетъ раздиравшія Россію передъ тѣмъ смуты и междоусобія; припоминаетъ бунты, совпавшіе съ дѣтствомъ Петра, грозившіе его жизни, и гибель многихъ близкихъ ему людей: эти обстоятельства могли развить нѣкоторую жесткость въ молодомъ государѣ. Страшную строгость, оказанную Петромъ въ возмездіи за послѣдній стрѣлецкій бунтъ, заставившій его внезапно прервать свое путешествіе и возвратиться въ Россію, Щербатовъ оправдываетъ необходимостью обезопасить общественное спокойствіе отъ повторенія подобныхъ явленій, которыя были бы неизбѣжны и впредь, пока существовали стрѣльцы. Что Петръ заставлялъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ играть въ этомъ случаѣ роль палачей, объясняется тѣмъ, что онъ подозрѣвалъ ихъ въ единомысліи со стрѣльцами; собственное же его, своеручное участіе въ казняхъ — желаніемъ не огорчить приближенныхъ возложенною на нихъ печальною обязанностью, которая впрочемъ по понятіямъ времени не считалась унизительною[23]. Щербатовъ прибавляетъ, что Петръ не безъ суда казнилъ стрѣльцовъ; напротивъ, произвелъ столь справедливый судъ, что всякій, кто могъ сколько-нибудь оправдаться, былъ освобожденъ отъ плахи; мало того: нѣкоторые начальники стрѣльцовъ, участвовавшіе въ бунтѣ, но показавшіе раскаяніе и обѣщавшіе вѣрность, получили помилованіе и награды. Что касается грозныхъ возмездій сестрѣ и сыну, то Щербатовъ ни въ

чемъ не находитъ оправданія жестокости Петра, кромѣ воспитанія его и духа времени[24]. Но осужденіе сына на смерть было политическою необходимостью, такъ какъ невозможно было бы, пока онъ живъ, безвозвратно устранить его отъ престола, на который возведеніе его равнялось бы рѣшительному уничтоженію всѣхъ преобразованій отца.

Особеннаго вниманія историка и психолога заслуживаетъ одна знаменательная черта въ безсмертной личности Петра I. Самодержавный повелитель милліоновъ, онъ, по особеннымъ ли потребностямъ своей геніальной природы, или по глубоко-обдуманному плану, соединяетъ съ царскимъ саномъ характеръ частнаго лица: передаетъ почести и роль государя подданному, а самъ становится въ ряды не только простыхъ гражданъ, но работниковъ; исправляетъ механическіе труды почти по всѣмъ отраслямъ техническаго производства; иногда не отказывается даже отъ задѣльной платы[25]; поетъ въ церкви на клиросѣ; ѣздитъ въ Москвѣ славить Христа; проходитъ службу съ низшихъ чиновъ; является къ воображаемому кесарю въ качествѣ подданнаго; принимаетъ служебныя награды отъ своихъ вельможъ; переписывается съ довѣренными лицами какъ равный.

Такимъ образомъ Петръ представляетъ намъ на престолѣ совершенно-исключительное и безпримѣрное въ исторіи явленіе: ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Есть основаніе думать, что такъ дѣйствовалъ Петръ не по прихоти, но съ намѣреніемъ, — чтобы служить примѣромъ мало-образованному народу, который до тѣхъ поръ полагалъ все величіе во внѣшности, все счастье — въ праздной и беззаботной жизни. Именно для тогдашняго русскаго общества нуженъ былъ примѣръ государя, который, наперекоръ всѣмъ преданіямъ и понятіямъ массы, не только не гнушался ничѣмъ человѣческимъ, но не избѣгалъ и самыхъ низкихъ, повидимому, занятій. Зная, какъ хорошо онъ изучилъ священное писаніе, можно предполагать, что глубокая новозавѣтная мысль лежала въ основѣ такого образа дѣйствій. Не безъ умысла Петръ хвалился мозолями на своихъ

рукахъ, не даромъ указывалъ на себя подданнымъ и говорилъ, что врачуетъ ихъ примѣрами[26]. Чтобы внушить русскимъ людямъ уваженіе къ труду, онъ становится среди своего народа первымъ труженикомъ, неутомимымъ, «вѣчнымъ работникомъ». Вотъ коренная просвѣтительная идея и цѣль Петра. Таковъ же былъ источникъ крайней бережливости Петра и простоты во всей его обстановкѣ — въ одеждѣ, въ пищѣ, въ устройствѣ его двора. Весь поглощенный заботами о существенномъ, онъ не находилъ и времени думать о внѣшнихъ удобствахъ или пышности. Даже въ послѣдніе годы жизни у него не было своего цуга: обыкновенно онъ ѣздилъ въ простой одноколкѣ парой, а для торжественныхъ выѣздовъ занималъ экипажъ съ лошадьми у одного изъ своихъ вельможъ[27]. И несмотря на всю умѣренность своего образа жизни, онъ почти всегда испытывалъ нужду. Такую же бережливость старался онъ ввести и въ общественную жизнь, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ изданный имъ указъ объ ограниченіи роскоши[28].

Приходя къ общему заключенію о личности Петра, которой изображеніе впрочемъ далеко не исчерпано мною, мы должны согласиться, что онъ, отражая въ себѣ нѣкоторыя темныя стороны своего времени, вообще стоялъ однакоже неизмѣримо выше его по своимъ понятіямъ и взглядамъ: многія идеи, только въ нашъ вѣкъ проникающія въ общее сознаніе, уже занимали и руководили Петра въ его дѣятельности и законодательствѣ. Самою выдающеюся чертою духовной природы Петра было его правдолюбіе, его ненависть ко всякой лжи. Послѣ посѣщенія англійскаго парламента онъ, по свидѣтельству Нартова, невольно замѣтилъ: «Весело слышать, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду; сему-то у англичанъ учиться должно»[29]. Извѣстно, какъ самъ онъ всегда требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ, какъ охотно прощалъ всякую вину за откровенное въ ней сознаніе. Глубокое уваженіе къ истинному достоинству и заслугѣ, къ сущности всякаго дѣла, къ знанію и труду, строгое правосудіе, разумное и спокойное мужество, непоколебимая твердость, рѣшительность и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная скромность украшали его такъ же, какъ съ другой

стороны безразсудная отвага и страсть къ завоеваніямъ были ему чужды; природа щедро надѣлила его дарами, нужными герою-просвѣтителю въ борьбѣ за умственные и нравственные успѣхи человѣчества. Уже тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ является во всеоружіи своего генія и могущества и приступаетъ къ преобразованіямъ съ яснымъ пониманіемъ потребностей народа, но разумѣется, что полнѣйшаго и самаго блестящаго развитія творческая его дѣятельность достигаетъ только въ послѣдніе годы его жизни, когда опытность придаетъ новыя силы его духу и внѣшняя безопасность государства окончательно утверждена.

Необходимость, неизбѣжность коренной реформы русскаго быта истекала изъ самыхъ его условій; государство не могло оставаться въ прежнемъ положеніи, должно было или сдѣлаться жертвою сильныхъ сосѣдей или выйти на новый путь развитія. Тогда-то таинственный духъ жизни вызвалъ въ лицѣ Петра неожиданное орудіе обновленія Россіи. Нынѣшнее торжество ея служитъ громкимъ всенароднымъ протестомъ противъ одностороннихъ обвиненій великаго дѣятеля въ человѣческихъ слабостяхъ и въ ошибкахъ при избраніи средствъ къ достиженію преобразовательныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе, говоря о его заслугахъ, нельзя не коснуться этихъ упрековъ. Нѣкоторые изъ нихъ произносились уже его современниками, особенно иностранцами и тѣми изъ русскихъ, которые не могли примириться съ новизнами. Упреки доходили до него самого и вызывали его оправданія [30]. Смерть Преобразователя, невольное сознаніе его превосходства въ виду совершавшихся событій надолго сомкнули уста порицателей. Всѣ сужденія о немъ слились въ одинъ голосъ общаго удивленія и почитанія. Историки, ораторы, стихотворцы уподобляли его божеству. Ломоносовъ, въ стѣнахъ Академіи Наукъ, былъ краснорѣчивымъ истолкователемъ благоговѣнія потомства къ Родителю Елисаветы [31]. Но къ концу прошлаго столѣтія все это безмѣрное обожаніе, крайности, къ какимъ привело злоупотребленіе нѣкоторыми изъ петровскихъ идей, наконецъ начавшее пробуждаться въ не-

многихъ умахъ національное самосознаніе возбудили сомнѣнія въ безусловномъ величіи Петра. Стали отыскивать недостатки въ его свойствахъ и дѣятельности. Еще въ 1770-хъ годахъ княгиня Дашкова, находясь въ Вѣнѣ на обѣдѣ у знаменитаго министра Кауница и слыша похвалы его Петру Великому, разразилась длинною филиппикой противъ знаменитаго государя: она доказывала, что въ Россіи издревле процвѣтала любовь къ искусствамъ и были историки, оставившіе цѣлыя груды рукописей, что и безъ Петра могущественная, богатая держава, привлекла бы къ себѣ вниманіе Европы и т. д.[32] Позднѣе Болтинъ указывалъ между прочимъ на вредъ, произведенный при Петрѣ отправленіемъ дворянъ въ путешествія по чужимъ краямъ, откуда большая часть посланныхъ «возвратились не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе нежели были». Впрочемъ Болтинъ, вообще сочувствуя мудрымъ мѣрамъ Преобразователя, прибавлялъ: «Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желанный плодъ»[33].

Подобныя укоризны продолжались и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Самымъ строгимъ судьею Петра сдѣлался тотъ самый Карамзинъ, который въ молодости усердно защищалъ его. «Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ, а что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣческой, то мое, ибо я человѣкъ». Такъ говорилъ Карамзинъ въ Письмахъ Русскаго путешественника[34]; въ Запискѣ же о древней и новой Россіи, хваля многіе свойства и законы Петра, онъ рѣзко укорялъ его за введеніе иностранныхъ обычаевъ, приписывалъ ему презрѣніе къ народнымъ особенностямъ, осуждалъ отмѣну въ высшихъ классахъ русской одежды, пищи, бороды, порицалъ учрежденіе сената вмѣсто древней думы, — коллегій вмѣсто приказовъ, — министровъ, канцлеровъ, президентовъ вмѣсто бояръ, — генераловъ, капитановъ, лейтенантовъ вмѣсто воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ. Далѣе Карамзину казалось вреднымъ для нравовъ, что въ соединеніи обоихъ половъ

европейская вольность заступила мѣсто азіятскаго принужденія; онъ жалѣлъ, что русскіе утратили свое гражданское достоинство вмѣстѣ съ увѣренностію, что святая Русь первое государство въ мірѣ, обвинялъ Петра за жестокость и ужасы самовластія, за униженіе духовенства, подчиненіе церкви мірской власти, наконецъ за основаніе столицы въ суровомъ климатѣ, на болотистой почвѣ. Далѣе однакожъ, въ той же запискѣ, Карамзинъ, желая унизить современныя ему реформы, превозноситъ идею петровскаго сената и невольно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою[35].

Такія же нареканія Петру повторялись и въ наше время. Не вдаваясь въ подробности спорныхъ вопросовъ, остановлюсь только на двухъ главныхъ обвинительныхъ пунктахъ, къ которымъ примыкаютъ всѣ остальные. Говорятъ: 1) что онъ вытѣснялъ русскіе обычаи иностранными, предпочиталъ иноземцевъ русскимъ людямъ; 2) что онъ въ своихъ преобразованіяхъ употреблялъ насиліе, принужденіе и слишкомъ крутыя мѣры.

Противъ перваго обвиненія позволю себѣ напомнить, что народные обычаи бываютъ двоякіе: одни касаются сущности быта, другіе составляютъ только внѣшнія его принадлежности. Къ числу первыхъ относились у русскихъ: затворничество женщинъ, браки безъ согласія обѣихъ сторонъ[36], правежъ, продажа крестьянъ порознь безъ земли и пр. Кто въ наши дни рѣшится упрекнуть Петра за отмѣну или попытки къ отмѣнѣ этихъ варварскихъ порядковъ? Къ другому разряду обычаевъ принадлежатъ борода и одежда, обратившія на себя гоненіе Петра. Здѣсь надобно припомнить, что еще до него были при московскомъ дворѣ люди, начавшіе брить бороду и одѣваться по-европейски. Братъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ уже ввелъ между своими царедворцами польское платье. Еще при Годуновѣ Русскіе стали знакомиться съ западомъ и подражать въ наружности иностранцамъ. Это не могло не возбудить негодованія въ упорныхъ приверженцахъ старины. Мало по малу «борода, по словамъ С. М. Соловьева, стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить

враждебное знамя»[37]. Что касается до одежды, то достаточно указать, что длинное платье, исконное отличіе жителей востока, соотвѣтствуетъ сродной имъ лѣни и мѣшаетъ движенію, работѣ. «Что дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьѣ, когда онъ начинаетъ работать?» спрашиваетъ г. Соловьевъ и отвѣчаетъ: «Онъ подбираетъ полы своего платья.... Такимъ образомъ и русскій человѣкъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ и состоялъ только въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать, — европейскихъ или азіятскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи»[38].

Другою важною причиною, руководившею въ этомъ дѣлѣ Петра, было его желаніе привлечь въ Россію иностранцевъ. Онъ предвидѣлъ, что при сохраненіи прежней одежды они продолжали бы чуждаться русскихъ, и захотѣлъ уничтожить внѣшнюю помѣху къ сближенію. Русскіе, съ своей стороны, считая однихъ себя истинными христіанами, а другіе народы чуть не язычниками, въ гордомъ самомнѣніи презирали иноземцевъ, смотрѣли на нихъ какъ на поганыхъ, считали за грѣхъ имѣть съ ними сношенія, а тѣмъ болѣе перенимать у нихъ что-нибудь[39]; и это заставило Петра принять крутыя мѣры, чтобы преодолѣть старинное предубѣжденіе. Забота о сближеніи Россіи съ западомъ не была новостью: эта мысль болѣе или менѣе занимала всѣхъ предшественниковъ Петра, начиная съ Ивана III: всѣ они вызывали иностранныхъ рудокоповъ, ремесленниковъ, художниковъ, наконецъ образовали цѣлые полки солдатскіе и рейтарскіе съ иноземными офицерами. Иванъ Грозный старался овладѣть ливонскимъ берегомъ Балтійскаго моря, вопросъ о правѣ собственности на Неву возникъ съ 14-го столѣтія. Путь для преобразованій былъ ясно намѣченъ: недоставало только гигантской воли и могучей руки для ихъ совершенія. Мысль о народностяхъ тогда еще нигдѣ не пробуждалась: удивительно ли, что Петръ, желая образовать свой народъ, не думалъ оскорблять его заимствованіемъ иностранныхъ обычаевъ и вызовомъ чужеземцевъ? Въ этомъ онъ побуждался

однимъ желаніемъ пользы, одними экономическими и политическими видами, и слѣдовалъ естественному историческому закону. «Какъ водится у другихъ?» Вотъ простѣйшій вседневный вопросъ въ человѣческой жизни; его задаютъ себѣ и частныя лица и правительства; его задавали себѣ съ незапамятныхъ временъ, повторяютъ теперь и вѣчно повторять будутъ. Естественно было, что народы скуднаго, запоздалаго въ образованіи сѣвера, пока не стали на ноги, съ ученическимъ довѣріемъ обращались въ своихъ сомнѣніяхъ къ болѣе опытному и свѣдущему западу, который кромѣ того и своею болѣе богатою природою и болѣе развитою общественностью всегда радужными красками рисуется въ воображеніи сѣверянина. Законъ преемственности образованія проходитъ чрезъ всю всемірную исторію. Въ Грецію египетскіе и финикійскіе переселенцы занесли древне-восточное образованіе; греческая культура разлилась по обширному римскому міру, который наконецъ охватилъ и сѣверо-западъ Европы; позднѣе греко-римское образованіе простерлось по Германіи, еще позднѣе по Скандинавіи. На славянскій востокъ, долго остававшійся въ сторонѣ отъ этого вліянія, начатки образованія сперва проникли изъ Византіи, потомъ стали проникать и съ запада. Ближайшія къ остальной Европѣ Польша и Малороссія, по своему положенію, ранѣе другихъ странъ, составляющихъ нынѣшнюю Россію, сдѣлались причастны обще-европейской наукѣ и послужили Москвѣ первымъ источникомъ этой науки. Изъ Кіева, съ середины 17-го вѣка, начинается переселеніе литературно-образованныхъ духовныхъ въ Москву, начинается прививка западно-европейскихъ познаній, понятій и словъ къ дикому еще дереву великорусской жизни. Между тѣмъ туда же, въ Москву, еще съ 16-го столѣтія идетъ другая колонизація: подъ стѣнами царской столицы со временъ Ивана Грознаго [40] образуется и быстро растетъ *нѣмецкая слобода*, гдѣ селятся иноземные мастера, техники, инженеры, врачи, торговые и военные люди. Но до Петра русскіе держались далеко отъ нѣмецкой слободы, въ которой побывать считалось даже грѣхомъ.

Петръ, вопреки предразсудку, начинаетъ посѣщать слободу, находитъ въ ней новыя умственныя наслажденія и обильный источникъ заманчивыхъ познаній въ бесѣдѣ съ людьми живыми, свѣжими, образованными, знакомыми съ политическимъ состояніемъ Европы[41]. Безъ этой колоніи у Петра не было бы ни Тиммермана, ни Гордона, ни Лефорта, которые явились въ Россію на призывъ Алексѣя Михайловича. Но ни малороссійскіе переселенцы, ни нѣмецкая слобода не удовлетворяютъ Петра. Онъ хочетъ черпать свѣтъ у самаго источника, хочетъ усилить въ Россіи европейскую колонизацію, чтобы привлечь въ отечество западную науку, промышленность, торговлю. Обвинять Петра за выборъ этого естественнаго пути къ обновленію своей страны, сожалѣть что онъ не предпочелъ, сложа руки, терпѣливо предоставить русскихъ медленному ходу саморазвитія, не значитъ ли покидать почву дѣйствительности и исторіи? Въ нынѣшнемъ человѣчествѣ есть только двѣ совершенно-независимо одна отъ другой развившіяся цивилизаціи: греко-римская и китайская. Тѣ, которые желали бы еще третьей, исключительно-русской цивилизаціи, забываютъ и попытки предшественниковъ Петра и географическое положеніе Россіи: съ одной стороны, по континентальной массивности земли, по обширности ея пространствъ и по малому прикосновенію къ морю, физическія условія ея неблагопріятны для саморазвитія народа; съ другой стороны, по отсутствію естественныхъ преградъ между ею и западомъ, по своему положенію на открытой, хотя и отдаленной равнинѣ, Россія какъ бы предназначена была самою природой къ дружному единенію съ остальной Европою, которой географическое очертаніе несравненно выгоднѣе для успѣховъ просвѣщенія. Согласно съ этимъ указаніемъ природы поступилъ и Петръ, сокрушивъ китайскую стѣну, воздвигнутую вѣковыми предразсудками противъ сношеній съ западной Европою. Была еще политическая преграда — вражда и зависть сосѣдей, отдѣлявшихъ Россію отъ моря и старавшихся не допускать къ ней просвѣщенія: Петръ уничтожилъ и эту преграду завоеваніемъ Ингерманландіи и Ливоніи. Приглашая къ себѣ иностранцевъ, посылая

своихъ въ чужіе края, онъ только стремился къ тому, что́ нынѣ достигается пароходами, желѣзными дорогами, телеграфами, этими могучими рычагами плодотворнаго обмѣна мыслей, обычаевъ и жизненныхъ потребностей.

Не иностранцы сами по себѣ были нужны Петру; ему нужны были наука, искусство, фабрики, торговля. Иностранцы служили ему только орудіемъ его плановъ, учителями русскихъ. Въ позднѣйшее время своего царствованія онъ давалъ иностранцамъ только второстепенныя мѣста въ службѣ, высшія же должности предоставлялъ своимъ соотечественникамъ: такъ въ президенты коллегій назначалъ онъ русскихъ, иноземцы получали только званіе вицепрезидентовъ; чинъ 1-го класса также не былъ доступенъ иностранцамъ [42]. По этой же причинѣ, въ шведскую войну, поставивъ двухъ фельдмаршаловъ, Меншикова и Огильви, Петръ кончилъ тѣмъ, что устранилъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ внушеніямъ нѣкоторыхъ пришельцевъ, напр. Паткуля, который желалъ, чтобы въ военномъ и дипломатическомъ дѣлѣ нѣмцы совершенно вытѣснили неспособныхъ, по его мнѣнію, русскихъ. Петръ, напротивъ, возлагалъ на своихъ единоземцевъ великія надежды въ будущемъ и при всѣхъ случаяхъ подготовлялъ имъ возможность замѣнить со временемъ своихъ учителей какъ въ практической дѣятельности, такъ и въ наукѣ. Обманувшихъ его довѣріе иностранцевъ онъ не щадилъ, такъ же какъ и своихъ; въ примѣръ тому можетъ быть приведенъ давно находившійся въ русской службѣ Виніусъ, котораго онъ долго отличалъ, но удалилъ отъ дѣлъ, какъ скоро убѣдился въ его недобросовѣстности [43]. Нельзя подвергать Петра отвѣтственности за первенствующую роль, какую вскорѣ послѣ него играли иностранцы, пользуясь слабостью правительства и употребляя во зло свое положеніе. По всему видно, что онъ считалъ вызовъ ихъ только временною мѣрою.

Въ стихѣ Пушкина о Петрѣ: «не презиралъ страны родной» заключается глубоко-справедливая мысль. При всемъ своемъ видимомъ пристрастіи къ иноземцамъ, онъ оставался вполнѣ рус-

скимъ человѣкомъ не только по своей восторженной любви къ Россіи, по вѣрѣ въ ея судьбы и въ способности русскаго народа къ самоусовершенствованію, но и по своимъ вкусамъ и характеру. Въ народномъ быту онъ преслѣдовалъ только то, что противорѣчило его просвѣтительнымъ цѣлямъ, но не касался безвредныхъ обычаевъ, которые и самъ любилъ соблюдать. При взятіи Риги Петръ, обративъ вниманіе на университетъ, находившійся въ Пернау, выразилъ намѣреніе посылать туда, для обученія, молодыхъ людей изъ своего государства и учредить въ высокой школѣ особаго профессора, который бы могъ обучать славянскому (т. е. русскому литературному) языку и ввести его туда[44].

Перейдемъ къ обвиненію Петра въ слишкомъ крутыхъ и насильственныхъ мѣрахъ. И оно значительно ослабѣетъ, какъ скоро мы безпристрастно взглянемъ, съ одной стороны, на общій духъ времени, на общую суровость, еще проникавшую тогда законодательства и систему правительственной дѣятельности во всей Европѣ, съ другой стороны — на умственное и нравственное состояніе тогдашней Россіи. Строгое порицаніе дѣйствій Петра часто происходило отъ недостаточнаго знакомства съ средою, его окружавшею, со всѣми подробностями его распоряженій и поводовъ, которые ихъ вызывали. Исторія его царствованія была мало разработана. Только теперь, когда открыта масса новыхъ документовъ, когда мы имѣемъ уже основанное на актахъ изображеніе времени Петра въ трудахъ Соловьева и отчасти Устрялова и во множествѣ монографій, возможно болѣе сознательное и справедливое отношеніе къ дѣлу.

Чтобы въ двухъ словахъ очертить бытъ русскаго народа до Петра, довольно сказать, что въ немъ не было ни семьи, въ истинномъ ея значеніи, ни школы. Возможна ли семья безъ женщины, а въ русской семьѣ женщина была рабой и затворницей. Большинство русскихъ людей, не получивъ никакого образованія, переходило въ дѣятельную жизнь почти прямо изъ дѣтской, въ полномъ умственномъ и нравственномъ несовершеннолѣтіи; не всѣ даже бояре умѣли читать. Высшія сословія во-

обще мало отличались отъ низшихъ. Учить было некому: иностранцевъ убѣгали какъ иновѣрцевъ; все отъ нихъ исходившее считалось богопротивнымъ. Книгъ почти не было; а тѣ, которыя читались, не могли доставлять ни большой пользы, ни особеннаго развлеченія. Невѣжество, праздность, пороки пораждали разбои и убійства, такъ что въ самой столицѣ не было полной безопасности. Богатый и сильный притѣснялъ бѣднаго; помѣщики угнетали крестьянъ. Рѣдко кто не былъ зараженъ суевѣріемъ, вѣрой въ порчу, колдовство, въ дьявольскіе навѣты, что́ опять влекло за собой преступленія и разные ужасы. Много рѣзкихъ чертъ для картины тогдашнихъ русскихъ нравовъ доставляетъ сочиненіе жившаго въ Москвѣ, во второй половинѣ 17-го вѣка, серба Юрія Крижанича [45], въ которомъ, какъ въ соплеменникѣ русскихъ, нельзя предполагать національнаго предубѣжденія. Его показанія представляютъ много сходства съ тѣмъ, что мы находимъ у иностранцевъ, описывавшихъ тогдашнюю Россію, напр. у англичанина Перри, котораго подозрѣваютъ въ пристрастіи. Національное самолюбіе не должно, кажется, мѣшать намъ видѣть ея тогдашніе нравы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и выслушивать спокойно ихъ описаніе. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, для насъ поучителенъ примѣръ Петра Великаго, который, какъ разсказываютъ, прогнѣвался на Бужинскаго за то, что имъ при переводѣ Пуффендорфа было пропущено мѣсто, касавшееся русскихъ нравовъ, и приказалъ пополнить переводъ [46]. Указывая на экономическую бѣдность государства, какъ на естественное слѣдствіе его замкнутости вдали отъ моря, при умственной неразвитости жителей, Крижаничъ говоритъ, что лѣнивый непромышленный русскій человѣкъ самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ. «Великое наше народное несчастіе, — пишетъ далѣе Крижаничъ, — неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать.... Расплодились въ насъ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ. А отъ чего все

это происходитъ? Отъ того что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей или палачей. . . . Ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ»[47].

Начертывая, можетъ-быть уже слишкомъ мрачными красками, эту картину быта, Крижаничъ предлагаетъ и программу мѣръ къ исправленію его, программу, которая во многомъ удивительно сходится съ послѣдовавшею дѣятельностью Петра, — убѣдительнѣйшее доказательство, что время для преобразованій приспѣло, что между лучшими людьми уже созрѣла мысль о необходимости измѣненій. Такъ Крижаничъ въ особенности предлагаетъ прибѣгнуть къ ученію, къ книгамъ и къ вызову иностранцевъ, но съ тѣмъ чтобы они, исполнивъ свое дѣло, не оставались въ Россіи; совѣтуетъ изъять купечество изъ-подъ власти воеводъ, учредить цѣхи, озаботиться увеличеніемъ народонаселенія, уменьшеніемъ роскоши. «Въ Россіи полное самодержавіе: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное».

Профессоръ Соловьевъ, нашедши въ актахъ свидѣтельство, что рукопись сочиненія Крижанича принадлежала къ числу книгъ, находившихся *на верху*, т. е. въ царскихъ палатахъ, не допускаетъ однакожъ мысли, чтобъ этотъ трудъ могъ имѣть какое-нибудь значеніе въ преобразованіяхъ Петра. Для такого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ.

Ничто не держится такъ упорно, не измѣняется такъ медленно, какъ нравы народные. Станемъ ли же удивляться, что во все царствованіе Петра встрѣчаемъ черты быта, сходныя съ тѣми, какія отмѣтилъ Крижаничъ? Ими изобилуютъ современные

акты, слѣдственныя дѣла преображенской канцеляріи, указы самого Петра, наконецъ сочиненія Ѳеофана и крестьянина Посошкова. Въ своей книгѣ: «О скудости и о богатствѣ» этотъ изумительный самоучка чрезвычайно сходно съ ученымъ сербомъ характеризуетъ состояніе русскаго общества: «Не точію у иноземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра — святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится, то никакими мѣрами богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такождо и славы доброй намъ не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и отъ разбоевъ. Крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды. Древнихъ уставовъ не измѣня, самого правосудія насадить и утвердити невозможно. Неправда въ правителяхъ вкоренилась и застарѣла, отъ мала до велика вси стали быть поползновенны — овые ко взяткомъ, овые же боящеся сильныхъ лицъ. И того ради всякія дѣла государевы не споры, и сыски неправы, и указы недѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина знатнымъ норовятъ, а власть имутъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи.... Видимъ мы вси, какъ великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, да подъ гору милліоны тянутъ, то како дѣло его споро будетъ? Колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ»[48].

Такимъ образомъ нетерпѣливый Посошковъ находитъ и энергическія мѣры Петра еще недостаточными, требуетъ еще болѣе рѣшительныхъ преобразованій. Но такое же нетерпѣніе видно и

въ сильныхъ средствахъ, какія употреблялъ Петръ противъ вѣковыхъ недуговъ своего народа, будучи убѣжденнымъ, что на первыхъ порахъ его перевоспитанія нельзя обойтись безъ принужденія и повторяя свою любимую поговорку: «Легче всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать»[49]. Свой взглядъ на неизбѣжность принудительныхъ мѣръ великій правитель не разъ выражалъ въ письменныхъ актахъ. Такъ онъ писалъ однажды тульскому воеводѣ Ивану Данилову: «хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ»[50]. Въ одномъ изъ указовъ Петра (о введеніи китоваго промысла) говорится: «Когда въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (т. е. въ Голландіи) принужденіе чинится, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ»[51]. Особенно же характеристичны слова его въ указѣ объ умноженіи мануфактуръ въ Россіи: «нашъ народъ — яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, чтó ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ»[52]. Здѣсь высказана побудительная причина многихъ дѣйствій Петра: понимая потребности Россіи, чувствуя свое всемірно-историческое призваніе, видя въ другихъ странахъ свои идеалы осуществленными, онъ не хотѣлъ предоставлять невѣрному будущему исполненіе того, чтó считалъ нужнымъ и полезнымъ, спѣшилъ дѣйствовать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, зналъ цѣну времени и требовалъ, чтобъ другіе такъ же, какъ самъ онъ, дорожили каждой минутой. Мы сейчасъ видѣли, что онъ въ примѣръ понудительныхъ распоряженій приводилъ Голландію. Въ то время, вообще, европейскія правительства не стѣснялись въ выборѣ средствъ для приведенія въ дѣйствіе своихъ рѣшеній, и деспотическое начало было господствующимъ характеромъ монархіи. Сюда же относятся жестокія пытки и казни, въ которыхъ обвиняютъ Петра. Къ сказанному прежде объ этомъ можно при-

бавить, что строгость его происходила скорѣе отъ убѣжденія въ ея необходимости, отъ понятій вѣка и началъ тогдашняго законодательства, нежели отъ наклонности сердца. Уголовные законы въ то время были вездѣ болѣе или менѣе суровы; самымъ разительнымъ тому примѣромъ можетъ служить Римская имперія, гдѣ въ исходѣ 18-го столѣтія, при самомъ человѣколюбивомъ государѣ, Іосифѣ II, еще были въ ходу варварскія тѣлесныя наказанія палками, плетьми и розгами[53]. Да и вообще, при сужденіи о русскихъ нравахъ въ петровское время, не надобно забывать, какъ низокъ былъ тогда еще и въ западной Европѣ уровень общественной нравственности и столь высоко-цѣнимой нынѣ гуманности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ свойствахъ незлобиваго, смиреннаго русскаго народа, особенно сельскаго люда, было много такихъ чертъ, которыя бы должны были располагать законодателя къ смягченію уголовнаго кодекса; но духъ времени противился тому. Говоря о жестокости наказаній при Петрѣ, надобно согласиться, что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Замѣтимъ наконецъ, что оправданіемъ насильственной гибели цѣлыхъ массъ народа при построеніи Петербурга могла служить въ глазахъ Петра великая государственная цѣль, которую онъ въ этомъ дѣлѣ преслѣдовалъ. Какъ искусный полководецъ иногда предпочитаетъ кровопролитное, но рѣшительное сраженіе продолжительному изнуренію войска, такъ и Петру единовременное пожертвованіе множествомъ людей могло казаться дозволеннымъ для окончательнаго устраненія одного изъ вѣковыхъ препятствій, которыя Россія до тѣхъ поръ встрѣчала въ своемъ развитіи.

Въ наше время, при наблюденіи господствующихъ недостатковъ русскаго общества, невольно возникаетъ у многихъ мысль, что преобразованія Петра имѣли чисто-внѣшній характеръ; что измѣнивъ наружный обликъ и одежду высшихъ классовъ, онъ только отдалилъ ихъ отъ народа, далъ имъ одинъ поверхностный лоскъ образованія, одно подобіе европейской культуры; учрежденіемъ чиновъ создалъ только внѣшнюю приманку для

честолюбія, сущности же нравовъ и обычаевъ не измѣнилъ, истиннаго образованія не далъ.

Вникнувъ въ эти обвиненія, на первый взглядъ справедливыя, мы увидимъ, что говорящіе такъ требуютъ отъ Петра невозможнаго: они упускаютъ изъ виду ограниченность силъ человѣка, еще умаляемыхъ краткостью его жизни. Если бы Петръ жилъ десятилѣтіями двумя или хотя однимъ болѣе, то конечно и плоды его дѣятельности были бы гораздо значительнѣе. Но жизнь его пресѣклась именно тогда, когда онъ могъ наконецъ среди мира всецѣло посвятить себя заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ своей державы. Въ дѣлахъ Петра можно смотрѣть только на его цѣли и на средства, имъ употребленныя; послѣдствія зависѣли много отъ его преемниковъ, отъ множества внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ и обществѣ при дальнѣйшемъ развитіи событій и мѣръ правительства. Не всѣ предначертанія Петра исполнялись; нерѣдко дѣлалось совершенно противоположное. Приведу примѣръ, по видимому маловажный, но въ самомъ дѣлѣ не лишенный значенія: Петръ не любилъ французовъ и не оказывалъ никакого предпочтенія французскому языку[54]; а между тѣмъ мы знаемъ, какое вліяніе нравы и языкъ этого народа стали пріобрѣтать въ русскомъ воспитаніи и общественной жизни лѣтъ черезъ двадцать послѣ смерти Петра, при его дочери, и какъ это вліяніе до послѣдняго времени все усиливалось, все болѣе и болѣе отчуждая русскихъ отъ своего собственнаго, народнаго. Петръ Великій указалъ своей странѣ цѣль и путь; потомству предлежала задача умѣть пользоваться указаніемъ. Дѣло воспитанія всегда начинается заимствованіями, усвоеніемъ наружныхъ пріемовъ; лишь мало по малу образованіе становится самостоятельнѣе, далѣе и глубже пускаетъ корни. Внѣшнія приманки честолюбію могутъ быть отмѣнены, когда сдѣлаются ненужными; но Петръ зналъ людей, когда установлялъ табель о рангахъ. Притомъ она служила къ проведенію начала, прямо противоположнаго мѣстничеству, котораго остатки еще держались въ понятіяхъ о службѣ;

въ табели о рангахъ нѣкоторые иностранные историки видятъ самое либеральное учрежденіе, такъ какъ она всѣмъ, независимо отъ ихъ происхожденія, открыла путь къ достиженію одною личной заслугой высшихъ служебныхъ успѣховъ [55]. Не внѣшнія отличія въ обликѣ и одеждѣ отдалили высшіе классы отъ народа: взаимное отчужденіе произошло отъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, и главною изъ нихъ было крѣпостное состояніе, къ облегченію котораго Преобразователь уже придумывалъ мѣры [56].

Въ какой бы сферѣ дѣятельности мы ни стали наблюдать Петра, вездѣ онъ намъ явится ищущимъ истинной, существенной пользы; собственный его бытъ, привычки, вся его личность лучше всего могутъ удостовѣрить насъ, что онъ во всемъ постоянно и серьезно стремился не къ поверхностно-блестящему, а къ дѣйствительно-важному. Особенно видно это въ той области народной жизни, на которую въ послѣдніе годы царствованія Петра преимущественно было обращено его вниманіе. Я разумѣю народную нравственность. Понимая, что она зиждется на религіозномъ образованіи, на понятіяхъ и вѣрованіяхъ народа, онъ посвятилъ всѣ свои усилія, всю свою энергію этимъ основамъ духовнаго развитія, опираясь въ томъ на своего просвѣщеннѣйшаго сотрудника, Ѳеофана Прокоповича.

Памятникомъ ихъ совокупныхъ усилій въ этомъ дѣлѣ остается знаменитый «Духовный Регламентъ», составленный Ѳеофаномъ по мыслямъ Петра, трудъ, достойный изученія въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, показывающій, какъ высоко надъ своимъ вѣкомъ стояли и Государь и святитель по своимъ понятіямъ. Извѣстно, что это узаконеніе издано по поводу учрежденія синода [57]. Поэтому въ книгѣ прежде всего подробно объясняется значеніе этой мѣры. Главною причиною откровенно представлена опасность двудержавія при патріаршествѣ: простой народъ не понимаетъ различія между высшей духовной и свѣтской властью, и поражаясь великою честью верховнаго пастыря, считаетъ его равно-

сильнымъ монарху или даже ставитъ выше; такимъ заблужденіемъ могутъ воспользоваться властолюбивые духовные или и другіе коварные люди въ случаѣ столкновенія между обѣими властями. А что будетъ, если и самъ пастырь захочетъ обратить себѣ въ пользу такое мнѣніе о своемъ санѣ[58]?

Все остальное содержаніе «Регламента» направлено къ искорененію суевѣрій, ложныхъ понятій и вредныхъ обычаевъ, къ образованію народа ученіемъ, проповѣдью, возбужденіемъ къ труду и добрымъ примѣромъ. Послѣ объясненія цѣли учрежденія синода, разсматриваются дѣла, ему подлежащія, и именно сперва дѣла общія всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и мірянамъ, какъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ и простолюдинамъ. Здѣсь указываются разнаго рода заблужденія, напр. ложно-вымышленныя исторіи о святыхъ, либо противныя православному ученію, либо бездѣльныя, смѣха достойныя повѣсти, которымъ простой народъ однакоже вѣритъ, когда онъ «не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится»[59]. Тутъ затронуты также нелѣпыя повѣрья и обычаи, напр. празднованіе каждой пятницы или преданіе кіевопечерскаго монастыря, что погребенный тамъ человѣкъ, хотя бы онъ и безъ покаянія умеръ, непремѣнно будетъ спасенъ.

Далѣе разсуждается объ обязанностяхъ духовенства поучать народъ словомъ Божіимъ. Въ Регламентѣ разсѣяны многія черты, показывающія низкую степень образованія тогдашнихъ духовныхъ. Они по грубости нравовъ мало отличались отъ народа: публично предавались пьянству, являясь нетрезвыми даже въ храмахъ, участвовали въ кулачныхъ бояхъ и проч.[60] Не всякій даже епископъ былъ въ состояніи сочинить слово, которое обязанъ былъ произносить во время объѣзда епархіи, и потому на такіе случаи предписывалось приготовить слово въ синодѣ для прочтенія епископомъ въ посѣщаемыхъ имъ церквахъ[61]. Но въ Регламентѣ выражена надежда, что «въ Россіи, помощію Божіею, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ»[62]. Такъ какъ, при многочисленности православнаго люда, недостаетъ священниковъ, которые бы могли наизусть

проповѣдывать «догматы и законы священнаго писанія», то признано необходимымъ издать небольшія общепонятныя книжки. Онѣ должны содержать все нужное къ народному наставленію и по частямъ читаться въ церкви. Ихъ нужно три: 1-я, о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ; 2-я, объ особенныхъ всякаго сословія обязанностяхъ; 3-я будетъ состоять изъ собранія проповѣдей. Книги были и прежде, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, но онѣ писаны на еллинскомъ языкѣ, а славянскій переводъ ихъ сталъ теменъ, и его съ трудомъ разумѣютъ даже люди обученные, а «простымъ невѣжамъ онъ и вовсе непостижимъ». Поэтому новыя книжки будутъ написаны просторѣчіемъ [63]. Мысль эта была отчасти уже исполнена передъ появленіемъ Регламента: въ 1720 году Ѳеофанъ напечаталъ букварь съ молитвенникомъ подъ заглавіемъ: «Первое ученіе отрокамъ», которое и было потомъ употребляемо при преподаваніи грамоты не только духовнымъ, но и мірянамъ. Остальныя книжки не были изданы при Петрѣ. За годъ до своей смерти онъ собственноручной запиской напоминалъ синоду о необходимости сдѣлать, т. е. издать «краткія поученія людямъ», между прочимъ и катихизисъ [64].

Епископамъ Духовный Регламентъ вмѣняетъ въ обязанность имѣть при архіерейскихъ домахъ школы для священническихъ дѣтей, и только обученные въ этихъ школахъ могутъ быть допускаемы къ священству; за поставленіе же въ священники и въ монахи необученнаго епископъ подвергается наказанію [65]. При правилахъ о новыхъ училищахъ помѣщена любопытная апологія ученія, гдѣ между прочимъ отрицается, чтобы отъ него могли происходить ереси: когда врачъ опоитъ отравою, нельзя винить въ томъ врачебную науку; а когда «ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское». Въ доказательство пользы образованія, приводятся примѣры изъ исторіи. Ученіе доброе и основательное названо корнемъ и сѣменемъ и основаніемъ всякой пользы какъ отечества, такъ и церкви. Дурное, мечтательное ученіе пораждаетъ только высокомѣріе: вкусившіе его бываютъ глупѣе неученыхъ, считаютъ себя всезнающими,

не хотятъ болѣе ни читать книгъ, ни учиться, тогда какъ, напротивъ, «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ». Къ характеристикѣ «неосновательныхъ мудрецовъ» прибавлены еще слѣдующія черты: они подобострастны передъ властями, ненавидятъ равныхъ, завидуютъ истинно-образованнымъ, которыхъ при всякомъ случаѣ готовы обнесть, склонны къ возмущенію и проч.[66]

Кромѣ училищъ при архіерейскихъ домахъ, предположено учредить духовную академію, въ которой могутъ учиться и дѣти мірянъ, а при академіи — семинарію. Послѣ подробнаго изложенія правилъ объ ученіи и испытаніяхъ въ этихъ заведеніяхъ, слѣдуютъ правила о проповѣди, касающіяся не только самой сущности дѣла, но также наружныхъ пріемовъ на каѳедрѣ и поведенія проповѣдника внѣ церкви: ему предписывается простота, смиренномудріе, запрещается мстить противникамъ своимъ рѣзкими выходками и намеками въ проповѣдяхъ, хвалиться въ обществѣ своими успѣхами и т. п.[67]

Въ начертаніи обязанностей духовныхъ начальниковъ особеннаго вниманія заслуживаетъ наставленіе о правильномъ вспоможеніи нищимъ: «Многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣность свою пускаются на прошеніе милостыни и поміру ходятъ безстудно и иные же въ богадѣльни вселяются посулами у старостъ, что́ есть богопротивное и всему отечеству вредное: отъ сего скудость и до́рогъ бываетъ хлѣбъ». Законодатель напоминаетъ, сколько тысячъ въ Россіи такихъ тунеядцевъ, которые нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чужіе труды поѣдаютъ, получая подаяніе въ ущербъ истинно-нуждающимся. Яркими красками описывается вредъ, наносимый обществу этими порочными людьми, изъ которыхъ многіе дѣлаются разбойниками, зажигателями, возмутителями, другіе искажаютъ своихъ младенцевъ, чтобы обмануть милосердіе[68]. Противъ подобныхъ нищихъ-бродягъ Петръ еще въ началѣ столѣтія (1705) издалъ строгій законъ, повелѣвающій ловить ихъ, отбирать деньги, а самихъ приводить въ мо-

настырскій приказъ для наказанія, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ подавать имъ милостыню: кто хочетъ помогать нищимъ, пусть даетъ въ богадѣльни[69]. Теперь синоду вмѣнено въ обязанность озаботиться о средствахъ къ искорененію этого зла.

Къ Духовному Регламенту присоединено изданное нѣсколько позднѣе *прибавленіе* о духовенствѣ и монашествѣ. Здѣсь частію развиты подробнѣе прежнія правила, частію включены новыя. Такъ напр. предписано испытывать ставлениковъ и не опредѣлять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся ханжами, лицемѣрами или суевѣрами, разсказывающими сны и видѣнія. Чтобы священникъ зналъ, какъ въ разныхъ случаяхъ исполнять свои обязанности, должны быть написаны на каждый случай особыя статьи, которыя бы онъ могъ говорить наизусть или по книжкѣ читать больному, умирающему, ведомому на казнь и проч. Такія наставленія признаны нужными, «покамѣстъ подастъ Богъ увидѣть въ Россіи совершенное ученіе»[70]. Въ то же время запрещено приглашать священниковъ на домъ для службы, и всякое вымогательство, съ ихъ стороны, высокой платы за требы объявлено противозаконнымъ[71].

Особенно важны приложенныя къ Регламенту постановленія о монашествѣ. Давно уже Петръ Великій старался ограничить какъ число монастырей и монаховъ, такъ и вкравшіяся въ монастырскую жизнь злоупотребленія, предметъ общихъ жалобъ. Преобразованія въ этомъ смыслѣ начались съ учрежденія монастырскаго приказа въ 1701 году. Вскорѣ запрещено было постригать кого бы ни было безъ царскаго указа; для лучшаго исполненія иноческаго обѣта отобраны у монашествующихъ вотчины и угодья; въ замѣнъ того каждому монаху назначено вознагражденіе частью деньгами, частью въ натурѣ[72]. Съ изданіемъ Духовнаго Регламента опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго нельзя постригаться, — для мущинъ 30 лѣтъ, для женщинъ 50; служащіе военные люди вовсе не допускаются къ монастырскому житію и т. д. Всякому постриженію долженъ предшествовать трехлѣтній искусъ или послушничество. Настоятели не должны позволять монахамъ оста-

ваться праздными, но всегда занимаютъ ихъ какимъ-нибудь дѣломъ. При этомъ замѣчено, что хорошо бы завести въ монастыряхъ ремесла, напр. столярное и иконописное. По всѣмъ обителямъ опредѣлено учить иноковъ чтенію и объяснять имъ священное писаніе; вообще установлены правила для честнаго монашескаго житія[73]. Впослѣдствіи предписано, чтобъ число вновь принимаемыхъ не превышало числа выбывающихъ и чтобъ отставные солдаты были въ этомъ случаѣ предпочитаемы всякому другому.

Заботы объ очищеніи религіозныхъ понятій и о преобразованіи монастырей занимали Петра и послѣ изданія Духовнаго Регламента, въ остальные годы его жизни, особенно послѣ возвращенія изъ персидскаго похода. Въ народѣ было распространено лицемѣріе и ханжество. Петръ давно намѣревался издать обличительную книгу противъ ханжей, и наконецъ самъ составилъ для такого сочиненія программу, въ которой, указавъ порознь грѣхи противъ каждой заповѣди, вывелъ заключеніе, что всѣми ими вмѣстѣ осуждается и лицемѣріе, хотя оно ни въ одной изъ нихъ не названо по имени: «сей грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ», говоритъ Петръ и развиваетъ эту мысль въ примѣненіи къ каждой заповѣди. По этой программѣ Ѳеофанъ написалъ задуманную Государемъ книгу о блаженствахъ, которая и была напечатана[74]. Замѣчательно, что ненависть къ ханжамъ проявилась уже въ шестнадцатилѣтнемъ Петрѣ: видя при дворѣ своей невѣстки, царицы Прасковьи Ѳедоровны, юродивыхъ и пустосвятовъ, которымъ оказывали уваженіе какъ святымъ и пророкамъ, молодой царь назвалъ этотъ дворъ госпиталемъ уродовъ и лицемѣровъ. Во всю жизнь онъ любилъ разоблачать обманы, подлоги и ложныя чудеса, которыми корыстолюбивые святоши старались выманивать деньги у легковѣрныхъ[75].

Къ монашеству Петръ относился все болѣе и болѣе неблагосклонно: въ особой запискѣ, разсмотрѣвъ происхожденіе его и значеніе, онъ замѣтилъ, что монахи большею частію тунеядцы и корень всему злу праздность. «Прилежатъ ли же разумѣнію Божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ:

молятся, то и всѣ молятся, и сію отговорку отвергаетъ Василій святой. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть»[76]. Поэтому монастырямъ поставлялась на будущее время двоякая общеполезная цѣль: исполнять человѣколюбивыя обязанности и замѣщать изъ среды братіи церковныя должности. Ровно за годъ до своей кончины Петръ подписалъ указъ, составленный имъ по этой мысли при участіи Ѳеофана: тутъ монастырямъ дается между прочимъ назначеніе пристанищъ для подкидываемыхъ младенцевъ, для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; наконецъ въ монастыряхъ же должны быть учреждаемы школы[77]. Вскорѣ приняты были и мѣры къ исполненію этихъ предположеній; но смерть Монарха разстроила дѣло въ самомъ началѣ, и «все оное, по словамъ историка Татищева, въ забвеніи осталось»[78].

Я позволилъ себѣ остановиться особенно на Духовномъ Регламентѣ и послѣдующемъ развитіи выраженныхъ въ немъ идей, чтобы показать, какое глубокое значеніе имѣла просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго. Таково же было и все его обширное и многосложное законодательство; вездѣ онъ преслѣдовалъ высшую цѣль — пробудить и направить духовныя силы своего народа, заставить его учиться и работать, распространить здравыя понятія и вызвать самодѣятельность, словомъ сообщить народу ту же предпріимчивость, то же стремленіе къ лучшему, какими оживленъ былъ самъ великій Вождь его. Можно было бы доказать это подробнымъ разборомъ законовъ и учрежденій Петра Великаго, перечисленіемъ множества основанныхъ или задуманныхъ имъ училищъ[79] и проч. Но все это трудно было бы совмѣстить въ одномъ чтеніи, и я спѣшу перейти къ краткому очерку той дѣятельности Петра, которая прямо относилась къ задачѣ распространенія знаній путемъ литературы.

Понятно, что въ обществѣ, гдѣ грамотность была еще только достояніемъ немногихъ, книжное дѣло не могло получить большаго развитія и значенія. Но тутъ на помощь Преобразователю

является другое орудіе — устное слово. Составитель Духовнаго Регламента архіепископъ Ѳеофанъ былъ и вообще ближайшимъ сотрудникомъ Петра въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, посредникомъ между имъ и народомъ въ объясненіи и оправданіи преобразовательныхъ идей и начинаній Государя. Не будучи предсѣдателемъ синода, занимая въ немъ второстепенное мѣсто члена, Ѳеофанъ, во всѣхъ преобразованіяхъ Петра, является однакоже возлѣ первоначальника ихъ, могучимъ словомъ пролагаетъ имъ путь въ жизнь и дѣло.

Нельзя не подивиться прозорливости, съ какою Петръ еще до полтавской побѣды умѣлъ угадать и приблизить къ себѣ этого родственнаго ему по генію и характеру, по любознательности и всѣмъ стремленіямъ человѣка, перваго по учености въ тогдашней Россіи и одного изъ первыхъ въ цѣлой Европѣ. Воспитанный въ Римѣ, но вооруженный всѣми средствами науки, таланта и душевной энергіи противъ козней папизма, заклятый врагъ іезуитовъ, Ѳеофанъ началъ свое поприще профессорскою каѳедрой въ кіевской духовной академіи и уже тутъ, новымъ духомъ преподаванія, враждебнымъ схоластикѣ, показалъ себя передовымъ дѣятелемъ въ наукѣ [80]. Вполнѣ приготовленный такимъ образомъ къ пониманію великихъ замысловъ своего Государя, Ѳеофанъ всѣмъ сердцемъ предался ему и сталъ повѣреннымъ его задушевныхъ думъ, восторженнымъ цѣнителемъ его дѣлъ, рьянымъ противникомъ невѣжества и застоя. Его проповѣди и еще выше ихъ стоящія похвальныя слова его часто исполнены ироніи и принимаютъ характеръ сатиры на современные нравы; выставляя на позоръ предразсудки и суевѣрія, отличаясь по таланту автора отъ прежнихъ произведеній этого рода, онѣ становятся на почву живой дѣйствительности и руководятъ мнѣніемъ толпы. По справедливому замѣчанію г. Самарина, проповѣди Ѳеофана напоминаютъ писателей первыхъ временъ реформаціи, которые также боролись съ упорнымъ невѣжествомъ и въ чувствѣ своей силы предвидѣли успѣхъ борьбы [81]. Вотъ напр. какъ Ѳеофанъ характеризуетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій: «До того пришло, и въ тѣ мы времена роди-

лись, когда слѣпые слѣпыхъ водятъ, самые грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы смѣха достойные пишутъ, ученія бѣсовскія предаютъ, и въ преданіи бабьимъ баснямъ скоро вѣруется, прямое же и основательное ученіе не только не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угрозы вмѣсто возмездія пріемлетъ». — Оправдывая введеніе лѣтосчисленія съ 1-го января, онъ осмѣиваетъ раскольниковъ, которые, для охужденія этой новизны, прибѣгаютъ, по его словамъ, и къ физикѣ, и къ грамматикѣ, и къ географіи, и къ ариѳметикѣ, и къ архитектурѣ, и къ музыкѣ, и къ мануфактурѣ, и къ хиромантіи. «Что же? спрашиваетъ онъ: чудо было бы, еслибъ они оставили хронологію: не оставили, ибо перенесенное отъ сентемврія на генварь новолѣтіе, которое уставилъ державнѣйшій Монархъ нашъ лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ, такожъ и для порядку чиновъ государства своего, наипаче же для исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія, ставятъ въ великую ересь понамари апостати, и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицаютъ». Въ другой разъ Ѳеофанъ превозноситъ пользу путешествій, доказывая ее примѣромъ самого Государя. Въ словѣ на миръ съ Швеціею, разсуждая о благотворныхъ послѣдствіяхъ, какихъ можно ожидать отъ прекращенія войны, ораторъ ловко касается важнѣйшихъ общественныхъ недуговъ. Надежды, по его мнѣнію, могутъ осуществиться только при слѣдующихъ условіяхъ: если не будетъ расхищенія государственныхъ интересовъ, если не будетъ въ судахъ тлетворнаго пристрастія и злодѣйственныхъ взятокъ, если переведется многое множество тунеядцевъ, искоренятся татьбы и разбои, и искусство экономическое заведется; если, отложа высокое объ насъ мнѣніе, гнушаться начнемъ грубости и невѣжества, и дѣтямъ нашимъ (ревнуя прочимъ честнымъ народамъ) лучшаго во всемъ исправленія пожелаемъ[82]. Въ сатирическихъ выходкахъ Ѳеофана можно иногда отыскать личные намеки, и это встрѣчается у него не въ однѣхъ рѣчахъ, но и въ другихъ сочиненіяхъ, даже въ Духовномъ Регламентѣ, гдѣ

напр. въ изображеніи нестройныхъ тѣлодвиженій оратора на каѳедрѣ современники узнали пріемы Стефана Яворскаго[83].

Сочиненія Ѳеофана служатъ важнымъ литературнымъ памятникомъ петровскаго времени, можно бы сказать, важнѣйшимъ, еслибъ не было еще болѣе драгоцѣннаго: это — произведенія пера самого Государя: его указы и прочіе законодательные труды, его историческія замѣтки и записки, наставленія и наконецъ письма — все это замѣчательно не только въ политическомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Извѣстно, что большая часть государственныхъ актовъ его царствованія писаны имъ самимъ или подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Изученіе Петра съ этой стороны составляетъ почти нетронутую еще задачу будущихъ его историковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ великій монархъ, ко всему прилагавшій собственный трудъ, принимаетъ непосредственное участіе въ возникающемъ книжномъ и типографскомъ дѣлѣ. При всѣхъ своихъ безчисленныхъ реформахъ, при военныхъ дѣйствіяхъ, занявшихъ почти половину его жизни, онъ умѣлъ находить время и для неусыпныхъ заботъ объ изданіи книгъ. Мы видимъ его безпрерывно дѣятельнымъ для этой цѣли: онъ выбираетъ книги для переводовъ, пріискиваетъ и руководитъ переводчиковъ, заказываетъ имъ работы, исправляетъ ихъ слогъ, направляетъ развитіе письменнаго языка; онъ же заводитъ типографіи, улучшаетъ шрифты, наконецъ установляетъ новую гражданскую печать.

Такимъ образомъ Петръ Великій положилъ начало и русской свѣтской литературѣ. Конечно, изданныя при немъ книги по большей части не представляютъ ни научнаго достоинства, ни живаго интереса: это элементарныя руководства, написанныя тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ, безъ всякаго оттѣнка изящнаго; они собственно не составляютъ даже литературы, какъ выразительницы современнаго общества; если при Петрѣ какой-либо отдѣлъ сочиненій заслуживаетъ этого названія, то развѣ только отдѣлъ правительственной литературы, также произведенія Ѳеофана и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ. Тогдашнія свѣтскія книги наши

не болѣе какъ лепетъ начинающаго говорить младенца. Но и эти слабыя попытки науки были нужны какъ первая ея ступень, какъ сѣмя для будущаго питательнаго или роскошнаго плода.

Полная картина этой зараждающейся свѣтской литературы представлена нашимъ уважаемымъ сочленомъ П. П. Пекарскимъ въ обширномъ изслѣдованіи «Наука и литература при Петрѣ Великомъ». Въ этой картинѣ самымъ живымъ лицомъ, душою всего дѣла является самъ Петръ, не только какъ двигатель, но и какъ творецъ нашей первоначальной книжной литературы, проложившій своими заботами путь славнѣйшему ея дѣятелю, Ломоносову, и всѣмъ за нимъ послѣдовавшимъ.

Любопытно, что старанія Петра о переводахъ начались почти съ дѣтства его. Сохранился въ рукописи переводъ объ артиллерійскомъ и фейерверочномъ искусствѣ, съ означеніемъ на немъ 1685 года (т. е. когда Петру было всего 13 лѣтъ) и съ отмѣткою, что переводъ сдѣланъ по повелѣнію царя Петра Алексѣевича[84].

Характеромъ всей дѣятельности Петра объясняется тотъ знаменательный фактъ, что колыбелью русской свѣтской литературы и гражданской печати сдѣлалась не Москва, а западная Европа. Въ Голландіи не только печатались, но и переводились наши новыя книги научнаго содержанія. Первымъ исполнителемъ плановъ Петра въ этомъ отношеніи былъ жившій тамъ уроженецъ нынѣшней западной Россіи Копьевичъ. Въ Амстердамѣ книги его нѣкоторое время печатались славянскими буквами; тамъ же былъ отлитъ въ первые годы 18-го столѣтія и новый гражданскій шрифтъ, которымъ въ 1708 г. стали печатать въ Москвѣ. Извѣстно, что о происхожденіи этого шрифта нѣтъ положительныхъ свѣдѣній: мы не знаемъ въ точности ни времени, ни обстоятельствъ его изобрѣтенія. Пробѣгая книги, напечатанныя въ Голландіи по-славянски, и встрѣчая въ нихъ иногда, особливо въ заглавіяхъ и въ курсивахъ, слова и цѣлыя строки, отличающіяся округлостію и напоминающія нынѣшнюю печать, — невольно приходишь къ догадкѣ, что мысль о гражданской азбукѣ развилась въ Петрѣ постепенно при просмотрѣ этихъ книгъ, такъ что наконецъ

онъ составилъ или повелѣлъ составить цѣлый русскій алфавитъ по образцу тѣхъ буквъ, которыя своею простотою, своимъ сходствомъ съ латинскимъ шрифтомъ особенно ему нравились[85].

Для перевода книгъ употребляемы были Петромъ частію духовные, въ средѣ которыхъ до его времени сосредоточивалась вся книжная образованность, частію свѣтскія лица. Духовныхъ переводчиковъ находилъ онъ то въ московской славяно-греко-латинской академіи, какъ напр. ректора ея Лопатинскаго, то въ монастыряхъ, то въ кіевской академіи, которой давались порученія при посредствѣ кіевскаго губернатора, князя Д. М. Голицына. Къ тому же разряду переводчиковъ принадлежали греки, братья Лихуды, когда они были въ Новгородѣ при школѣ Іова, и другія лица, занимавшіяся тамъ подъ надзоромъ этого митрополита. По учрежденіи синода, Петръ сталъ возлагать на это духовное собраніе переводъ нѣкоторыхъ книгъ, предоставляя ему выборъ способныхъ къ этому дѣлу людей. Такъ изъ синода было поручено Бужинскому перевести «внятно и хорошимъ штилемъ» сочиненіе Пуффендорфа о должности человѣка и гражданина, а типографскому справщику Ал. Барсову — сочиненіе Аполлодора о языческой религіи; книга о сельскомъ и полевомъ хозяйствѣ нѣмцевъ была переведена двумя синодальными переводчиками Розенблутомъ и Козловскимъ. Кромѣ ихъ, переводчиками изъ *мірянъ*, при Петрѣ Великомъ, были: 1) иностранцы, давно служившіе въ Россіи, какъ Виніусъ, который переводилъ: уставъ судебныхъ воинскихъ законовъ, механику, фортификацію, артиллерію и голландскій лексиконъ; 2) справщикъ, а послѣ директоръ московской типографіи Поликарповъ; 3) лица, находившіяся на службѣ при посольскомъ приказѣ, какъ напр. братья Шафировы; 4) шведы, попавшіе въ плѣнъ, изъ числа которыхъ одинъ извѣстный переводчикъ, Шиллингъ, служилъ также при посольскомъ приказѣ; и наконецъ 5) русскіе, находившіеся за границею по повелѣнію Царя или получившіе тамъ воспитаніе и потомъ служившіе переводчиками при томъ же приказѣ, а позд-

нѣе въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ напр. князь Долгорукій, Петръ Андр. Толстой и Иванъ Зотовъ[86].

Въ заботахъ Петра Великаго о переводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, особенно замѣчательно его стараніе привлечь къ тому западныхъ славянъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго облегченія по ихъ превосходству надъ нами въ образованіи и по родству ихъ языковъ съ русскимъ[87]. Это было впрочемъ только дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, уже давно заставлявшей Москву искать въ своихъ умственныхъ нуждахъ помощи въ Малороссіи и Кіевѣ; разница состояла въ томъ, что до Петра позволяли себѣ приглашать только единовѣрцевъ; онъ же не обращалъ вниманія на религію полезныхъ ему людей. Сначала Петръ избираетъ такимъ образомъ, для перевода и печатанія русскихъ книгъ, бѣлорусса или поляка, по исповѣданію реформата, Копьевича. Потомъ онъ обращается для переводовъ къ западнымъ славянамъ, впрочемъ, надобно замѣтить, не по какому-либо племенному пристрастію, а съ чисто-утилитарною цѣлью, такъ же точно, какъ онъ въ другихъ случаяхъ обращался къ голландцамъ, нѣмцамъ или шведамъ. Въ отношеніи къ южнымъ или придунайскимъ славянамъ Петръ имѣлъ другія основанія сочувствія — именно единовѣріе и политику. Во время первой турецкой войны посланный на конгрессъ Возницынъ писалъ Государю: «Еслибъ дойтить до Дуная, не только тысячи, — тмы нашего народа, нашего языка, нашей вѣры, и всѣ миру не желаютъ». Въ 1710 году Петръ отправилъ сербскаго полковника Милорадовича для подъятія противъ Порты черногорцевъ, съ грамотою, въ которой обѣщалъ имъ награды и привилегіи за службу: «ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворный крестъ возвысить»[88].

Представителемъ приверженности южныхъ славянъ къ Россіи при Петрѣ Великомъ является «иллирійскій шляхтичъ» Савва Рагузинскій, который сначала тайно помогалъ въ Константинополѣ нашему послу Толстому, а позднѣе дѣйствовалъ заодно съ нами

вооруженною рукою въ Польшѣ и въ Молдавіи. Переселившись въ Россію, онъ за вѣрную службу получилъ торговыя привилегіи, но занимался въ то же время литературою и между прочимъ перевелъ на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Орбини Il regno degli Slavi (Царство Славянъ) подъ заглавіемъ «Книга исторіографія». Переводъ этотъ напечатанъ въ 1722 году [89]. Мы не знаемъ, былъ ли онъ предпринятъ по вызову Петра, но имѣемъ положительное свѣдѣніе о порученіи переводовъ западнымъ славянамъ.

Переводчики пріискивались въ Прагѣ: Петръ писалъ въ Вѣну своему повѣренному въ дѣлахъ Аврааму Веселовскому о наймѣ приказныхъ «невысокихъ чиновъ» изъ Бемцевъ, Шленцевъ или Моравцевъ (т. е. Чеховъ, Лужичанъ, Моравовъ), «которые знаютъ по славянски», велѣлъ отыскать универсальные лексиконы и книгу юриспруденцію, потомъ съѣздить въ Прагу и тамъ въ іезуитскихъ школахъ условиться съ учителями о переводѣ какъ этихъ, такъ и другихъ книгъ: «и понеже, писалъ Государь, нѣкоторыя рѣчи ихъ несходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по-латыни и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить». Въ слѣдствіе того и были посланы въ Прагу два ученика славяно-латинскихъ школъ (московской духовной академіи) и монахъ Спасскаго монастыря Ѳеофилъ Кроликъ, къ которымъ позднѣе велѣно присоединить еще одного или двухъ переводчиковъ изъ Москвы или изъ *кіевскихъ чернецовъ*. Послѣ оказалось, какъ писалъ Веселовскій, что предварительно переводить на чешскій языкъ излишне, такъ какъ изъ русскихъ переводчиковъ одинъ (Кроликъ) настолько примѣнился къ нѣмецкому, что самъ съ него переводитъ безъ всякой трудности, а другой съ чешскаго переводить и всего разумѣть не можетъ. «Итако, прибавлено въ донесеніи, за чешскій языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ россійскомъ государствѣ безъ многаго иждивенія» [90].

Чехами же Петръ думалъ воспользоваться для улучшенія русскаго театра. Въ 1720 году Ягужинскому, бывшему въ Вѣнѣ,

дано было порученіе пригласить въ Петербургъ нѣсколько актеровъ изъ Праги. Встрѣтилось однакожъ затрудненіе пріискать достаточное число искусныхъ въ театральномъ дѣлѣ чеховъ, а тѣ немногіе, которые соглашались ѣхать, запросили слишкомъ высокую цѣну. Чѣмъ кончились эти переговоры, неизвѣстно [91]. Наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о видахъ Петра на славянъ въ отношеніи къ ученому образованію русскихъ. Въ проектѣ учрежденія академіи наукъ предполагалось, чтобы каждый изъ приглашенныхъ въ академики привезъ съ собой одного или двухъ помощниковъ, которые бы занимались подъ его руководствомъ или готовились въ преподаватели академической гимназіи. Противъ этого мѣста Петръ приписалъ: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить, а какихъ наукъ, написать именно» [92].

Какъ сильно заботы о книжномъ дѣлѣ занимали Петра, видно изъ того, что онѣ нигдѣ не покидали его [93]: даже во время походовъ, находясь въ Польшѣ, въ Ливоніи, въ Астрахани, онъ не переставалъ думать объ этомъ и посылалъ оттуда свои приказанія и наставленія переводчикамъ. Не разъ онъ и въ часы увеселеній заводилъ рѣчь о любимомъ предметѣ. Такъ въ 1718 году управлявшій монастырскимъ приказомъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ Поликарпову, что былъ спрошенъ Государемъ на свадьбѣ у князя П. Голицына, «отчего по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній, — книга небольшая, а такъ мѣшкаете». Иногда подобныя требованія Петра сопровождались угрозами. Однажды, повторяя многократное напоминаніе такого рода, Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: «нынѣ великій Государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ».

При этомъ всѣ отрасли знаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, попеременно составляли предметъ заботливости Петра; между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на исторію и географію Россіи. Было уже упомянуто, что къ русской исторіи онъ при-

страстился еще въ дѣтствѣ. Кіевскій Синопсисъ, единственный до него изданный сборникъ разныхъ сказаній о прошломъ Россіи, не могъ удовлетворять Царя, и въ 1708 году Поликарповъ получилъ чрезъ Мусина-Пушкина приказаніе (оставшееся впрочемъ безъ исполненія) составить русскую исторію отъ начала царствованія Василія Ивановича до настоящаго времени. Замѣчательно наставленіе Мусина-Пушкина Поликарпову, что «его царское величество желаетъ вѣдать» собственно русскую исторію, «а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано. И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе, да имаши получить немалую милость; отъ гнѣва же да сохранитъ тебя Боже!» Въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Петра сдѣланы были имъ два важныя распоряженія о собираніи по всему государству, по монастырямъ и соборамъ всѣхъ епархій, рукописныхъ источниковъ русской исторіи, — лѣтописей, хронографовъ, грамотъ, писемъ и т. п. По указу 1720 г. такіе документы должны были присылаться въ сенатъ, а въ слѣдствіе указа 1722, для той же цѣли отправлены были отъ синода нарочные. Распоряженія эти не привели однакоже къ значительнымъ резутатамъ.

На изданіе географическихъ картъ и описаніе разныхъ мѣстностей Россіи Петръ обратилъ вниманіе еще послѣ перваго своего путешествія, къ чему способствовало конечно знакомство его съ голландцемъ Витсеномъ, любителемъ и знатокомъ географіи. Еще болѣе развилась въ Петрѣ эта заботливость послѣ посѣщенія, во второе путешествіе, Парижа, когда онъ сблизился съ тамошними учеными и былъ избранъ въ члены французской академіи наукъ. Съ первыхъ годовъ 18-го столѣтія чаще и чаще даются имъ порученія изслѣдовать на мѣстахъ, снимать на карты и описывать разные болѣе или менѣе отдаленные края Россіи. Скоро возникла у него мысль объ изготовленіи генеральной карты всего государства, и для этого адмиралу Апраксину, завѣдывавшему морской академіей, велѣно было приготовить нѣсколько учениковъ, съ тѣмъ чтобы въ каждую провинцію послать по два чело-

вѣка, которые бы изъ снятыхъ ими мѣстныхъ картъ могли послѣ составить генеральную карту Россіи. Въ концѣ 1720 года дѣйствительно послѣдовало распоряженіе объ отправкѣ этихъ учениковъ, и по смерти Петра изданъ былъ Кириловымъ (1726—1734) составившійся изъ ихъ трудовъ первый русскій атласъ[94].

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ той сферы дѣятельности Петра, которая, какъ ни мало она замѣтна въ блескѣ его государственныхъ дѣлъ, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду всего имъ совершоннаго. Но этотъ краткій очеркъ ея былъ бы слишкомъ неполонъ, еслибъ мы не прибавили къ нему хотя немногихъ образчиковъ литературныхъ взглядовъ Петра. Замѣтимъ, что хотя все имъ самимъ писанное довольно сильно отзывается церковно-славянскимъ элементомъ съ примѣсью полонизмовъ и особенно западно-европейскихъ словъ, однакожъ съ другой стороны языкъ его богатъ народными идіотизмами, присловьями и поговорками. Въ письмахъ своихъ онъ кромѣ того любитъ шутку, юморъ, игру словъ, картинность выраженій. Поэтому неудивительно, что Петръ уже чувствовалъ необходимость замѣнять, по крайней мѣрѣ въ книгахъ назначенныхъ для практической пользы, славянскій языкъ просторѣчіемъ. Эта мысль не разъ выражается въ наставленіяхъ, которыя отъ имени Государя давались переводчикамъ. Такъ Мусинъ-Пушкинъ, возвращая Поликарпову переведенную имъ географію, писалъ ему, что она «переведена гораздо плохо», и прибавлялъ: «того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказа употреби слова»[95]. Такъ же точно и вѣрный исполнитель мыслей Петра Ѳеофанъ, въ предисловіи къ упомянутому выше букварю, жаловался, что до тѣхъ поръ дѣти лишались надлежащаго воспитанія отъ того, что въ Россіи книжки для первоначальнаго обученія закону Божію были написаны славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ.

Въ то же время Петръ настойчиво требовалъ ясности, сжатости и простоты изложенія: онъ былъ врагъ всякаго многосло-

вія и запутанности въ мысляхъ. «Надлежитъ, говорилъ онъ своему секретарю Макарову, законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали» [96]. Въ переводахъ Петръ дорожилъ точною передачею смысла безъ рабскаго воспроизведенія выраженій. Осуждая темноту нѣкоторыхъ мѣстъ въ представленномъ ему рукописномъ переводѣ книги объ укрѣпленіи городовъ, онъ писалъ переводчику, сыну своего бывшаго воспитателя, Ивану Зотову (1709): «Надлежитъ вамъ остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть». Въ другой разъ онъ такъ выразился въ собственноручной запискѣ синоду объ извѣстной намъ уже книгѣ относительно нѣмецкаго домашняго хозяйства: «Нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла, переводить не надлежитъ». Въ руководство Государь приложилъ и образецъ перевода, «дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ» [97].

Разсмотрѣвъ нѣкоторыя изъ просвѣтительныхъ цѣлей и средствъ Петра Великаго, коснусь, въ заключеніе, вопроса: какъ относился народъ къ его дѣятельности? По тогдашнему состоянію нравовъ въ Россіи, по множеству случаевъ противодѣйствія великимъ намѣреніямъ Государя, можно бы заключить, что народъ вообще враждебно смотрѣлъ на Петра. На дѣлѣ выходитъ противное, и въ этомъ лучше всего выражается историческое призваніе русской націи. Впрочемъ, самое появленіе въ Россіи такого дѣятеля и успѣшное исполненіе его плановъ не были бы возможны безъ предрасположенія народа къ тому развитію, на путь котораго онъ былъ повидимому насильственно двинутъ Преобразователемъ. Было уже сказано, что Россія хотя медленно, но издавна подготовляема была царями къ вступленію на этотъ путь. Когда для нея наконецъ рухнули вѣковыя преграды, движеніе государственной жизни, долго сдержанное, не могло не сдѣлаться

стремительнымъ; пробужденный внѣшнею силой, вызванный къ чрезвычайнымъ напряженіямъ, народъ хотя иногда и ропталъ, но смотрѣлъ на своего энергическаго Царя съ изумленіемъ и любовью, и какъ бы безсознательно чувствовалъ великое значеніе наступившаго времени.

Неотразимымъ свидѣтельствомъ такого отношенія народа къ Петру служитъ большое число эпическихъ пѣсенъ, сложившихся въ его царствованіе и недавно изданныхъ въ Москвѣ г. Безсоновымъ[98]. Несмотря на многіе новые налоги, на тяжкія повинности и изнурительныя работы, которымъ подвергся народъ, онъ сочувственно пѣлъ подвиги безпримѣрнаго Государя и его сподвижниковъ. Вѣра въ заботливость его о народѣ выражается, напр., въ одной изъ пѣсенъ о правежѣ, въ которой послѣ описанія, какъ «били добраго молодца на жемчужномъ перекресточкѣ во морозы во крещенскіе во два прутишка желѣзные», вдругъ является самъ государь и спрашиваетъ:

«Вы за что добротнаго ка́зните,
Бьете ка́зните казнью смертною»?

вымыслъ, показывающій какъ цѣнилъ народъ, что Петръ входилъ во всѣ нужды его, не чуждаясь общенія съ людьми всѣхъ состояній.

Въ другой пѣснѣ Петръ, «свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ», ѣдетъ въ сенатъ;

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье чорно,
Платье чорное, да все кручинно.

Отчего же онъ въ траурѣ? Пріѣхавъ въ сенатъ, онъ пишетъ куда-то въ чужую землю объявленіе войны. Здѣсь опять кроется та же мысль объ участіи Петра въ судьбѣ подданныхъ: онъ готовится къ войнѣ, но заранѣе скорбитъ о народѣ и облекается въ трауръ.

Смерть Государя также вызвала нѣсколько особыхъ пѣсенъ, новое свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго ею не только въ высшихъ сословіяхъ, но и въ простомъ народѣ по всей

Россіи. Есть извѣстіе, что когда въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ публично прочитанъ былъ манифестъ объ этой кончинѣ, особенно же во время панихиды, по всему храму раздались громкіе вопли: «воистину, говоритъ свидѣтель, такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, что́, какъ слышно, и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося»[99].

Съ той самой поры до нашего времени не было еще въ жизни русскаго народа минуты, въ которую бы такъ единодушно и торжественно выразилось сознаніе величія Петра и благоговѣніе къ его памяти. Никогда еще Россія и не могла такъ оцѣнить дѣлъ его, какъ въ царствованіе Государя, который, по вступленіи на престолъ, прежде всего поспѣшилъ твердою рукою уничтожить важнѣйшее препятствіе къ полному обновленію русской жизни. Безъ освобожденія народа дальнѣйшее развитіе петровскихъ реформъ становилось невозможнымъ. Этимъ великимъ дѣломъ, о которомъ могли едва только мечтать и Петръ Великій и Екатерина II, открылась новая эпоха для самыхъ предначертаній Петра, новая будущность для его просвѣтительныхъ, — сознáемся, еще далеко не достигнутыхъ цѣлей. Только теперь настала нужда въ другихъ средствахъ, нежели тѣ, какія употреблялъ Петръ Великій, и эти новыя средства отчасти уже примѣняются. Русская жизнь потекла новымъ путемъ, о которомъ и не помышляли современники Петра. Но пусть многіе изъ употребленныхъ имъ способовъ для нашего вѣка уже не пригодны; пусть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ и для своего времени ошибался: просвѣтительныя цѣли его достойны навѣки остаться для русскаго народа святымъ завѣтомъ величайшаго изъ русскихъ людей. Многія изъ этихъ цѣлей могутъ быть достигнуты только дружными усиліями всѣхъ и каждаго. Сюда относится между прочимъ обязанность стараться о распространеніи въ нашемъ обществѣ, и особенно въ молодомъ поколѣніи, тѣхъ личныхъ свойствъ, которыми въ такой высокой степени обладалъ Петръ I, какъ человѣкъ, — его трудолюбія, его энергіи и стойкости во всякомъ предпріятіи,

его стремленія ко всему существенному, его уваженія къ истинному достоинству и основательному знанію. Еслибъ эти драгоцѣнныя свойства Преобразователя Россіи сдѣлались болѣе обыкновенными въ ней явленіями, — какихъ бы громадныхъ результатовъ нельзя было ожидать отъ даровитаго русскаго народа въ культурномъ отношеніи! Великая личность Петра должна становиться болѣе и болѣе знакомою и близкою всѣмъ классамъ народа, и въ самомъ отдаленномъ потомствѣ она не утратитъ своего воспитательнаго значенія. Такой же смыслъ должно имѣть и нынѣшнее всенародное торжество, связывающее между собою двѣ славныя эпохи въ исторіи образованія Россіи. Пусть русскій народъ гордится своимъ Просвѣтителемъ не въ удовлетвореніе одного суетнаго національнаго самолюбія, но въ назиданіе самому себѣ. Что, еслибъ въ исторіи этого народа повторилась исторія жизни этого Государя, и вышелъ бы русскій народъ, подобно Петру, побѣдителемъ изъ борьбы съ недостатками своего исконнаго воспитанія? Какъ дѣтскія потѣхи Петра обратились позднѣе въ грозную воинскую силу, такъ, можетъ-быть, и легкіе начатки русскаго заимствованнаго образованія перейдутъ въ серіозное, самостоятельное дѣло: Россія процвѣтетъ наукою, и, кто знаетъ? можетъ-статься, займетъ по своимъ культурнымъ успѣхамъ первенствующее мѣсто между народами міра и сдѣлается, какъ нѣкогда ея Преобразователь, провозвѣстницею просвѣтительныхъ идей и духовнаго могущества. Только тогда Россія будетъ истинно-великою державою, когда къ ея сильному матеріальному росту присоединится соразмѣрное внутреннее развитіе. Вотъ чего желалъ, о чемъ заботился Петръ. И только подъ условіемъ сознанія этой истины и стремленія осуществить ее, торжество въ память рожденія великаго Просвѣтителя можетъ быть по справедливости признано торжествомъ русскаго народа.

ПРИМѢЧАНІЯ И ССЫЛКИ.

1. И. Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей, М. 1872. Дѣтскіе годы Петра Великаго, стр. 20 и д.

2. Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи *и проч.* Государя Петра Перваго, изд. В. Вороблевскимъ, М. 1787, стр. 43. (Записки Крекшина).

3. П. Петровъ, Петръ Великій *и проч.* Спб. 1872, стр. 12.

4. Сказаніе *и проч.*, стр. 45.

5. В. Герье. Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому. Спб. 1871, стр. 30.

6. J. Stählin, Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1785, p. 268. Его же Записки о Петрѣ III, Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1866, кн. IV. Смѣсь, стр. 80. Соловьевъ XIV, 113.

7. Слова изъ свидѣтельства, даннаго Петру его кенигсбергскимъ учителемъ полковникомъ Штернфельдомъ. Сол. XIV, 251.

8. Временникъ Моск. Ист. Общ. кн. XVII. Сол. XIV, 360.

9. «Miratus in tanto Principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum et judicium acre». (Leibnitii Epistolae ad diversos, div. Ch. Kortholt. Lips. 1734. p. 365, ep. CCVIII, ad Kortholt.). «Auch die zwei Tage, welche Peter in Herrenhausen in Erwartung des Königs von England damals zubrachte, blieb Leibnitz an seiner Seite «voll Bewunderung (drückt er sich aus) nicht nur über die Humanität, sondern auch die reichen Kenntnisse und das scharfe Urtheil bei einem solchen Fürsten». (Dr. G. E. Guhrauer, G. W. Freiherr von Leibnitz, II, 276.) Вообще письма

Лейбница полны выраженій удивленія къ Петру Великому. Такъ отъ 2 іюля 1716 онъ между прочимъ писалъ къ Бургѐ (Bourguet): «Je ne saurais assez admirer la vivacité et le jugement de ce grand Prince. Il fait venir des habiles gens de tous côtés, et quand il leur parle, ils en sont tous étonnés, tant il leur parle à propos» и проч. (Герье, Переписка Лейбница, стр. 360).

10. Слова и рѣчи Ѳеофана, II, 160. 161.

11. B. Bergmann, Peter der Grosse, VI, 72. Stählin, p. 55, 98, 196, 297.

12. Нартовъ, анекд. 66 и 126 *).

13. Stählin. 37. 155. Нарт., ан. 71. 142.

14. Stähl. 151. Нарт., ан. 4.

15. О такихъ памятныхъ книжкахъ, см. Голикова I, 115, XI, 492. Ср. V, 106 (2-е изд.).

16. Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1908. Указъ 14 апр. 1702.

17. Сол. XIV, 323. Stähl. 154.

18. Забѣлинъ, 69.

19. Erman, Mém. pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse. Berl. 1801, p. 116—121.

20. Пекарскій, Наука и Лит. при Петрѣ В., I, 9. 10.

21. Нарт. 101.

22. Въ статьѣ: «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.», Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. I.

23. Ср. Крижан. II, 240: «Въ давнихъ вѣкахъ князи нѣмецки сами бяху каты: и сами своими руками фатомъ и инымъ кривцемъ главу отрѣзоваху нѣкоими великими ножицами, каковыя ножицы и до днеска на память держятъ въ соблюденію: и славятся, кои отъ таковыхъ главорѣзцевъ свой родъ изъ давна ведутъ:

---

*) Анекдоты Нартова были напечатаны два раза: въ Сынѣ Отечества 1819, ч. 54 и д., и въ Москвитянинѣ 1842, ч. II, III, IV и VI, подъ заглавіемъ: Достопамятныя повѣтствованія и рѣчи Петра Великаго. Здѣсь ссылки дѣлаются большею частью на это послѣднее изданіе, въ которомъ анекдоты полнѣе, съ указаніемъ на ихъ нумера. На Штелина ссылки дѣлаются означеніемъ страницъ.

яко ми есть повѣдалъ Филипъ фонъ Зеицъ полковникъ, еже де онъ самъ есть видѣлъ таковыя ножицы у Шварцебургскихъ князёвъ, и индѣ». О петровскомъ времени мѣтко выражается Державинъ: «Нравы были тверже; смерть — дѣло обыкновенное». (Соч. Держ., т. VII, стр. 345).

24. Князь Щербатовъ далѣе разсуждаетъ такимъ образомъ:

Многіе ставятъ Петру въ вину, что онъ за проступки своихъ приближенныхъ иногда своими руками наказывалъ ихъ. Щербатовъ сознаётся, что въ европейскихъ обычаяхъ, Петромъ же введенныхъ, это не можетъ не казаться страннымъ, и многіе изъ насъ, замѣчаетъ онъ, конечно захотятъ «скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ и плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено». Но всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, а тотъ вѣкъ былъ таковъ, что значеніе побоевъ измѣряли только степенью причиненной боли, не вмѣняя ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы они нанесены были и рукою палача. Удивительно ли же, что Петръ Великій, слѣдуя своему горячему нраву, въ обращеніи съ людьми такого воспитанія, самъ уступалъ своему воспитанію? Притомъ, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, которыхъ онъ изъ праха возвелъ на высокую чреду, или молодыхъ людей, часто порочныхъ, которые по закону заслуживали болѣе жестокаго наказанія. Но вельможи сановитые, какъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій, хотя и рѣзко ему противорѣчившій, Борисъ Петр. Шереметевъ, князья Мих. Мих. и Дм. Мих. Голицыны, такому домашнему исправленію никогда не подвергались. Итакъ, заключаетъ Щербатовъ, лучше подивитесь, хулители Петра, что онъ, при своемъ вспыльчивомъ характерѣ, при своемъ воспитаніи, терпѣливо переносилъ частое ему противорѣчіе и правду, и жертвуя своимъ самолюбіемъ благу государства, не только не наказывалъ вѣрныхъ своихъ слугъ за искренность, но еще осыпалъ ихъ своими милостями.

Относительно наклонности Петра Великаго къ шумнымъ увеселеніямъ надобно вспомнить, каковы были тогда вообще

нравы и обычаи въ Европѣ, и примѣры, которые тамъ видѣлъ царственный путешественникъ. Вездѣ, говоритъ Щербатовъ, во время увеселеній и пиршествъ выходили изъ предѣловъ умѣренности. Не забудемъ, что Петръ, хотя и слѣдовалъ въ такихъ случаяхъ современнымъ обычаямъ, но отличался тою особенностью, что при этомъ слагалъ съ себя царское величіе и, нисходя къ своимъ подданнымъ, веселился съ ними какъ равный, позволялъ всякому говорить ему правду и обращаться съ нимъ безъ чиновъ. Разгулъ Петра въ поздніе часы дня нисколько не ослаблялъ его дѣятельности въ остальное время, служилъ ему только необходимымъ умственнымъ и тѣлеснымъ отдыхомъ. Притомъ очень возможно, что Петръ въ этихъ увеселеніяхъ имѣлъ еще и особенную цѣль: принуждая своихъ приближенныхъ, а иногда и женщинъ, пить сверхъ мѣры, онъ можетъ-быть хотѣлъ пользоваться ихъ откровенностью, узнавать ихъ тайные помыслы и взаимныя отношенія, чтобы тѣмъ легче оберегать себя отъ ихъ навѣтовъ и козней, отъ ихъ противодѣйствія его нововведеніямъ.

Не могъ онъ распространить торговли безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣсти портовъ не могъ безъ войны: потому регулярныя войска для защищенія государства и для распространенія границъ до моря были необходимо нужны. Онъ ввелъ новые порядки, измѣнилъ внѣшніе обычаи, установилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу, не на сроки, а навсегда; взялъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ мастерствамъ и наукамъ. Еслибъ Петръ не преобразовалъ войска, — а это повлекло за собой и другія измѣненія, — кто ручается, что завистливые сосѣди, давно заграждавшіе просвѣщенію путь въ Россію, не воспользовались бы ея безсиліемъ задолго до времени, когда бы она успѣла сама собой пріобрѣсти улучшенія, доставленныя ей Петромъ, но которыя, по расчисленію Щербатова, безъ особенныхъ напряженій могли бы осуществиться не прежде 1892 года.

25. Нарт., ан. 81.

26. Нарт. С. О., ан. 12.

27. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. М. 1860. II, 177.

28. Сол. XIV, 311. XVI, 220. 224.

29. Нарт., ан. 6.

30. Нарт., ан. 26. 121.

31. Похвальное слово его было произнесено 26 апр. 1755. См. Соч. Лом., изд. Смирд., 1, 579.

32. Memoirs of the princess Daschkaw, II, 258.

33. Примѣчанія на исторію г. Леклерка. II, 223.

34. Соч. Карамз., изд. Смирд., II, 515.

35. О древней и новой Россіи, М. 1871, стр. 2250—2258, 2283—2284.

36. Затворничество женщины было конечно слѣдствіемъ грубости нравовъ, при которой она не могла быть безопасною отъ оскорбленій всякаго рода. Еще въ 1702 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы браки никогда не заключались безъ обоюднаго согласія вступающихъ въ супружество.

37. Сол. XIV, 277.

38. Сол. XV, 137.

39. Забѣлинъ, «Опыты» и пр., Русская личность и пр., Общество наканунѣ петровской реформы, стр. 96 и д. — Щербатовъ, стр. 10 и д.

40. Карамз. И. Г. Р., IX, 261 (изд. Эйнерл.).

41. M. Posselt. Franz Lefort &c., St. Petersburg 1865, и В. Бауера разборъ этого сочиненія, Ж. М. Н. П. 1867, № 1.

42. Пек. I, 303.

43. Сол. XV, 194. XIV, 356. XVI, 3. 19.

44. Сол. XVI, 49.

45. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича, открылъ и издалъ П. Безсоновъ. М. 1859.

46. Введеніе въ гісторію европейскую. Спб. 1723. Глава первая на десять: О Россіи или обще Московіи, стр. 837. Анекдотъ этотъ (Пек. I, 326) разсказанъ у Штелина (Stähl. 274).

47. Это извлеченіе помѣщается здѣсь въ переводѣ г. Соловьева

(XIII, 197—8). Вотъ въ подкрѣпленіе нѣсколько выписокъ изъ самаго сочиненія Крижанича: «Великая народная лихота наша есть *неумѣрковано владаніе*. Не знадутъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, ни среднимъ путемъ ходить; но всегда по краинахъ и по пропастехъ блудятъ». (Криж. II, 179.) «Зарадъ того суть ся заплодили въ семъ людству премерзки наровы: тако да ся Русаки отъ иныхъ народовъ сцѣняютъ быть обманны, невѣрны, нещадны на краденіе и на убойство, непочтены въ бесѣдѣ, нечисты въ житіи. А откудъ то изходитъ? Оттудъ: что всяко мѣсто есть полно кабаковъ и самотержія, и преповѣдей, и откупниковъ, и цѣловальниковъ, и выемниковъ, и заставниковъ, и тайныхъ докладниковъ: тако да люди отовсюдъ и вездѣ есуть звязаны: и ничесо не могутъ слободно дѣлать: и труда рукъ и пота лицъ своихъ не могутъ слободно ужить. Но все по тайну и молчячь, со страхомъ и съ трепетомъ и съ обманомъ мораютъ справлять и торговать; и укрываться отъ тѣхъ толикихъ оправниковъ и выдорниковъ и потворниковъ или паче катовъ» и проч. (III, 296).

«А что есть наимерже: владатели общеявно постаютъ товаруши воромъ; гдѣ приказники воромъ наровятъ, для ради даровъ; а гражаны нѣмаютъ области сами казнить воровъ». (III, 302) « . . . нить у Нѣмцевъ, нить у Бѣлорусцевъ, нить остальныхъ Словенцевъ, нить индѣ гдѣ на свѣту, окромъ единыя Рускія державы, нигдѣ ся не видитъ тако скаредно піянство: да бѣху ся по улицамъ въ блату утоплены валяли мужи и жены, мірски и духовны, и да бѣху многи отъ піянства умирали» (III, 300).

О сходствѣ программы Крижанича съ дѣятельностію Петра см. подробнѣе въ Исторіи Соловьева, XIII, 199—204.

48. Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ. М. 1842, стр. 87—89. 95.

49. Пек., Ист. Ак. Н. I, xxviii.

50. Голиковъ, VIII, 193.

51. П. С. З., т. VII, № 4.348.

52. П. С. З., т. VII, № 4.345, п. 2.

«Петръ иначе не могъ смотрѣть на свой народъ какъ на

ребенка, хотя и одареннаго разнообразными способностями, но не воспитаннаго, съ великимъ будущимъ, но съ малымъ настоящимъ и прошедшимъ. Этотъ взглядъ онъ проводитъ во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ, и цѣлое столѣтіе доказало, до какой степени онъ былъ правъ». Афанасьевъ. («Государственное хозяйство при Петрѣ В.» Совр. 1847, IV, 79.)

53. K. A. Menzel. Neuere Geschichte der Deutschen. XII Band, 1te Abth. Breslau, 1847. p. 456. К. Задлеръ, Опытъ историческаго оправданія Петра I. Спб. 1861, стр. 17.

54. «Надобными языками для Россіи почиталъ онъ голландской и нѣмецкой, а съ французами, говорилъ онъ, не имѣемъ мы дѣла». Нарт., ан. 104. О его нерасположеніи къ Франціи см. также Сол. XV, 72, 75. Разумѣется впрочемъ, что Петръ не безусловно отвергалъ пользу французскаго языка: въ Голландіи въ 1703 году, «русскіе робята», по донесенію Матвѣева, учились по-голландски и по-французски (тамъ же, 61).

55. Въ разборѣ извѣстнаго сочиненія Кюстина о Россіи, покойный Лабенскій, опровергая нѣкоторые упреки Петру Великому, и говоря о постепенномъ распространеніи образованія въ народѣ, употребляетъ довольно удачное сравненіе: видѣли ли вы, говоритъ онъ, какъ иногда вино, налитое въ стаканъ воды, сначала держится на ея поверхности и только легкими струйками спускается внизъ; но мало по малу оно болѣе и болѣе проникаетъ собою воду и наконецъ всю ее окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ. (Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Aus dem Franz. Berlin, 1844, стр. 27. Подлиннаго разбора не удалось мнѣ видѣть). — Относительно табели о рангахъ см. напр. мнѣніе Шлоссере, Ист. XVIII ст., I, 169.

56. Въ январѣ 1719 г. изданъ наказъ воеводамъ, въ которомъ между прочимъ говорится: «Понеже есть непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какого непостояннаго житія «вотчины свои не токмо не улучшаютъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучатъ, отчего

крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и происходитъ отсюда пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка, того ради воеводѣ и земскимъ коммиссарамъ смотрѣть накрѣпко и до такого разоренія не допускать и т. д. (П. С. З. V, № 3294, п. 31). Въ апрѣлѣ 1721 г. былъ изданъ именной указъ: «Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхстство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ: и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь». (П. С. З. V, № 3770).

Къ числу мѣръ Петра Великаго, имѣвшихъ цѣлью облегченіе участи крѣпостныхъ, относилось и учрежденіе въ 1714 году маіората, «хотя, замѣчаетъ г. Соловьевъ, по хозяйственнымъ условіямъ цѣль не могла быть здѣсь достигнута». (XVI, 225). Въ указѣ о маіоратѣ изложены слѣдующія причины этого нововведенія: 1) бо́льшая исправность въ платежѣ податей и улучшеніе быта крестьянъ; 2) фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы, и 3) прочіе сыновья не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ (тамъ же, 199). Ср. П. С. З., т. V, № 2789.

57. Въ рукахъ моихъ былъ экземпляръ изданія Духовнаго Регламента, напечатаннаго гражданскою печатью «въ санктъ пітербургской типографіи» 1721 сентября 16 (въ листъ).

58. Д. Р., стр. 4.

59. Стр. 7.

60. Д. Р. Приб. 6, п. 26. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Регламента согласно съ вышеупомянутымъ отзывомъ Пуффендорфа (см. здѣсь прим. 46), въ которомъ между прочимъ гово-

рится: «самые священницы (въ Россіи) толико суть грубы и всякаго ученія непричастны, яко токмо прочитовати едину и вторую Божественнаго писанія главу или толкованіе евангельское умѣютъ, больше же ничтоже знаютъ».

61. Д. Р. 19.

62. Стр. 5.

63. Стр. 9 и 20, п. 8.

64. Пек. I, 178.

65. Д. Р. стр. 13. Приб. 1.

66. Стр. 22, 23 и 24.

67. Д. Р. 33, 34.

68. Стр. 42, 43.

69. Еще ранѣе, въ 1691 г. (П. С. З. т. III, № 1424) былъ изданъ законъ противъ нищихъ обманщиковъ.

70. Д. Р. Приб. 2.

71. Д. Р. стр. 43, п. 13. Приб. стр. 4, п. 19. Подобныя вымогательства нерѣдко встрѣчаются еще и въ наше время: см. Спб. Вѣд. 1872, № 95.

72. Сол. XV, 121.

73. Д. Р. Приб. стр. 11.

74. Чистовичъ, Ѳеоф. Проп. 125.

75. Гол. XV, Ан., 22—27.

76. Сол. XVIII, 204.

77. Чистовичъ, 142. 574.

78. Росс. Ист. кн. I, ч. 2, стр. 575.

79. Отъ школы Петръ требовалъ преимущественно практическаго направленія, и потому не могъ быть доволенъ московскою академіей. Онъ хотѣлъ школы, откуда бы «во всякія потребы люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искусство». (Сол. XV, 99).

На пьянство Петръ смотрѣлъ какъ на обстоятельство, увеличивающее степень преступленія, сдѣланнаго въ этомъ состояніи,

и виновный подвергался бо́льшему наказанію. (П. С. З. VI, № 3485. Морск. Уставъ 1720 Генв. 13, кн. V, гл. II, п. 31). Штелинъ приводитъ отзывъ Государя объ одномъ провинившемся: «онъ тѣмъ болѣе заслужилъ двойное наказаніе, что умышленно привелъ себя въ состоянье опьянѣнія, лишающее разсудка». (Stähl. 156).

80. Пек., Разборъ соч. г. Чистовича: «Ѳеофанъ Пр.», стр. 7.

81. Ю. Самаринъ, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоп. М. 1844, стр. 154.

82. Ѳеофанъ Пр. Слова и рѣчи, ч. I, 205; ч. II, 67. 96. 115.

83. Пек. I, 495.

84. Пек. I, 220.

85. Вниманіе, съ какимъ Петръ въ первые годы печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ слѣдилъ за всѣми подробностями этого дѣла, можетъ служить къ подтвержденію преданія, что гражданская азбука изобрѣтена имъ самимъ. (См. письма къ нему Мусина-Пушкина, Пек. II, 646 и д.).

86. Пек. I, гл. IX.

87. Тамъ же.

88. Сол. XIV, 329. XVI, 79.

89. 90. 91. Пек. I, гл. IX.

92. Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Ак. Н. I, x.

93. Въ памятныхъ замѣткахъ Петра встрѣчается много слѣдовъ его заботливости о сочиненіи и переводѣ книгъ. См. напр. Голик. XI, стр. 455, 456, 493.

94. Пек. I, гл. IX, XI, и XII.

95. Сол. XVI, 317. 318.

Согласно съ этими наставленіями, и самъ Поликарповъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ переводовъ, въ 1718 году, пишетъ: «Географію преводихъ сію не на самый славенскій высокій діалектъ противъ авторова сочиненія и храненія правилъ грамматическихъ; но множае гражданскаго посредственнаго употребляхъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи самого оригинала иноязычнаго».

(А. Бычковъ, Каталогъ хранящимся въ Императорской публичной библіотекѣ изданіямъ, напеч. гражд. шрифтомъ при Петрѣ Великомъ, стр. 161).

96. Нарт., ан. 57.

97. Пек. I, 214. 227. Сол. XVI, 19. XVIII, 194.

98. Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Выпускъ 8. М. 1870. Приведенные ниже отрывки — стр. 33 и 212.

99. Записки И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. I. Пек. «Совр. извѣстіе о кончинѣ Петра В.», стр. 66.

ПОПРАВКА:

На стр. 4-й слово **позднѣе** съ 20-й строчки должно быть перенесено на 18-ую, которую слѣдуетъ читать такъ: Его пребываніе въ Голландіи, Англіи и позднѣе во Франціи...